

Екатерина
БОБРОВА

БРАЧНАЯ ВЕНДЕТТА

ГОСПОЖИ ДЕМИДОВОЙ

Екатерина Боброва

**Брачная вендетта
госпожи Демидовой**

«Автор»

2026

Боброва Е.

Брачная вендетта госпожи Демидовой / Е. Боброва — «Автор»,
2026

Петербург, 1910 год. Мария Демидова ищет убийцу сводного брата. Магический детектив в дворцовых интерьерах. Мария внебрачная дочь Павла Демидова, князя Сан-Донато. Она рано потеряла мать, и в доме отца ее ждала участь быть выданной замуж за обедневшего дворянина, готового ради её дара закрыть глаза на недостойное происхождение. Но все меняется со смертью сводного брата. Теперь Мария — единственная дочь рода Демидовых, и она уверена: отец обвинил в смерти сына невиновных. Чтобы отсрочить приговор и выиграть время, она объявляет брачную вендетту, а сама устраивается в дом Юсуповых под видом служанки. Теперь она должна найти убийцу — или выйти замуж за одного из наследников осужденных родов. Дело осложняется тем, что спасаемые мечтают о её смерти

© Боброва Е., 2026

© Автор, 2026

Екатерина Боброва

Брачная вендетта госпожи Демидовой

Петербург, 1910 год. Мария Демидова ищет убийцу сводного брата.

Магический детектив в дворцовых интерьерах.

Мария внебрачная дочь Павла Демидова, князя Сан-Донато. Она рано потеряла мать, и в доме отца ее ждала участь быть выданной замуж за обедневшего дворянина, готового ради её дара закрыть глаза на недостойное происхождение.

Но все меняется со смертью сводного брата. Теперь Мария — единственная дочь рода Демидовых, и она уверена: отец обвинил в смерти сына невиновных.

Чтобы отсрочить приговор и выиграть время, она объявляет брачную вендетту, а сама устраивается в дом Юсуповых под видом служанки.

Теперь она должна найти убийцу — или выйти замуж за одного из наследников осужденных родов.

Дело осложняется тем, что спасаемые мечтают о её смерти...

Пролог

17 апреля 1910 года. Петербург

— Подсудимый его сиятельство князь Голицын, — голос председателя судебной палаты гулко разнесся по помещению, отражаясь эхом от высоких потолков и заставляя меня испуганно ежиться.

— Подсудимый его сиятельство князь Юсупов, — второй титул ломает мертвую тишину, рождая пораженный шепот: обвиняются Великие. Неслыханное событие для Российской империи.

— И подсудимый его сиятельство граф Орлов-Давыдов. Все трое признаются виновными в убийстве наследника рода Демидовых.

Шепот набирает силу, председатель морщится, свирепо оглядывая зал из-под густых бровей в поисках смутьянов. Когда его взгляд останавливается на мне, я втягиваю голову в плечи и торопливо опускаю глаза к коленям.

— Приговором судебной палаты... — мужчина держит паузу, зал замирает в напряженном оцепенении, и становится слышно, как муха совершенно непочтительно жужжит и бьется о стекло.

Председатель находит глазами великого князя Михаила Романова, получает едва заметный одобрительный кивок, оживляется и бросает в зал:

— Обвиняемые лишаются состояния, дворянских титулов, чинов и орденов. Имущество осужденных переходит к законным наследникам. Сами же они приговариваются к заключению в императорскую тюрьму крепости «Орешек», с последующим помещением в камеру-смерти. На наследников накладываются ограничители родового дара сроком на один год, а имущество на этот срок переходит под управление короной.

Волна потрясенных голосов прокатывается по залу. В ней надрывными нотами слышатся женские всхлипы. Аккордами — чьи-то полные ужаса стоны. Дама в черной шляпке через три ряда оседает в обморок, и там начинается суета с поисками нюхательной соли. Сосед слева принимается жарко доказывать, что такой приговор обязательно подорвет власть, страна зашатается — и так некрепко стоит — и обрушится в пучину хаоса. И нужно незамедлительно на доклад к батюшке императору.

Как будто приговор мог быть вынесен без личного одобрения короны, — думаю я, кожей чувствуя, как на мне – Марии Демидовой – скрещиваются ненавидящие взгляды.

... и сильнее выпрямляю спину.

— Душегубы! – бросает с ненавистью моя тетка, поджимая тонкие губы так, что они полностью исчезают с ее лица.

Я терзаю в руках платок, стараясь не смотреть на скамью подсудимых, где сегодня стоят, выслушивая приговор, трое знакомых мне людей, но взгляд то и дело прикипает к лицу ближайшего ко мне Дмитрия Петровича.

Нынешний князь Голицын уступает своим предкам в стати. Он невысок ростом, худощав, с живым лицом, на котором смешными щеточками топорщатся светлые усы.

Говорят, он успешен на службе у императора, занят в Совете образования. Потому и у нас появлялся не часто. Мои воспоминания о нем: теплая ладонь на волосах и вкусные пряники, которые неизменно находились в его кармане.

Чувство вины становится запредельно острым, а горло стискивает – не вздохнуть.

Его сосед по скамье подсудимых князь Юсупов выглядит так, словно сегодня именно он председательствует в судебной палате. Высокий, статный, с широкими плечами и военной выправкой. Взгляд устремлен поверх голов в окно, и мне кажется, что будь у князя воля, он обернулся бы птицей – непременно коршуном – и вылетел на свободу, разбив стекло. Но родовой дар Юсуповых скован металлическим ошейником, который блестит на шее заключенного, да и оборот в зверя – сказки для маленьких детей. Магия – она больше про подчинение...

— Приговор одобрен его величеством... — повышает голос председатель, и в его руке оказывается колокольчик, в который он требовательно звонит.

Третий подсудимый вздрагивает. Тянется к шейному платку, но вместо платка натывается на ошейник-ограничитель. Граф Орлов-Давыдов выглядит самым растерянным из троих мужчин. Внешне он похож на купца: дородный, с круглыми щеками и аккуратной бородкой. Шумный, всегда громко смеющийся, он предпочитает пить чай по старинке из блюдца, обожает охоту и по осени привозит нам в подарок настрелянную дичь, а еще корзины яблок. С его приездом дом словно заново наполняется запахом лета.

— Тишина и порядок, милостивые государи! Тишина и порядок! – визгливо кричит в зал председатель, и море голосов, ворча, нехотя стихает.

— Ваше превосходительство, — один из служащих торопливо подходит к столу, кладет на него какую-то бумагу, и в повисшем напряжении появляется призрак надежды.

Кустистые брови председателя высоко взлетают вверх. Он нервно промокает платком вспотевший лоб, смотрит пару минут на бумагу, словно не в силах разглядеть, что на ней выведено. Потом вчитывается в текст, шевеля губами и проговаривая про себя каждую букву.

Шумно выдыхает – и тишина судейской палаты вбирает этот выдох, дотягивая до дальних углов, а я перестаю дышать.

Председатель громко откашливается, держит томительную паузу, а после объявляет с хрипотцой:

— Исполнение приговора отлагается до высочайшего соизволения.

Его взгляд безошибочно находит меня среди собравшихся, и председатель морщится, словно при виде севшей на важный документ мухи.

Я причина отложенного приговора и его раздражения.

Глава 1

27 марта 1910 года. Петербург

Три недели до суда. Особняк Демидовых

— Что ты сказала? – широкие – вразлет – брови отца поползли вверх, а в серых глазах впервые за последние дни промелькнуло удивление вместо злости.

Я поспешно опустила голову, скрывая обуревавшую меня отчаянную решимость.

— Мне ведомо, батюшка, что я не могу рассчитывать на хорошую партию, — голос задрожал, помогая играть роль послушной дочери.

Отец поморщился. Он терпеть не мог намеков на свою ошибку молодости и мое незаконное происхождение.

Байстрючка. Довольно рано я узнала значение этого слова – деревенские не стеснялись, клича «пригильной», добавляя: «Гулящей будет – вся в мать».

После, попав в Петербург и оказавшись в семье отца, мне явственно дали понять, что приличия – не про меня, как и общество благородных людей, а потому их детям не стоило играть со мной — зазорной. И хорошенькое личико, родовые способности и образование ничего не стоили против того факта, что моя мать – простая служанка, а меня саму зачали вне брака.

— Его величество может разрешить мой брак с... — тут я запнулась, не зная, как правильно назвать тех, кого мы хотим уничтожить.

— С убийцами? – глаза отца снова полыхнули злобой, в них зажегся уже привычный огонек безумия, и я испугалась, что мой план не удастся, и отец снова уйдет в воображаемый мир, где враги повержены, а Демидовых ожидают почет и слава.

— Разве дети отвечают за преступления родителей? – спросила я почтительным шепотом. Главное, не переборщить с настойчивостью, иначе отец вспылит и отправит в комнату: на хлеб и воду. – Вдобавок, этот брак будет выгоден и нашей семье.

Отец нахмурился, но мелькнувшие на его лице сомнения потеснили на время безумие.

— Ты права, — заявил он после продолжительного молчания. – Поразмыслив, признаю — идея выдать тебя за одного из этих щенков, не кажется такой уж и глупой. Пусть у них дурная кровь, но смешавшись с моей, из нее может выйти толк.

Он прошелся по кабинету, остановился около окна, в которое сильными порывами бился ветер, заставляя стекла испуганно охать.

— Не желаю оставлять и монеты идиоту-племяннику, который промотает все за пару лет. А внука воспитаю так, что он достойно продолжит дело Демидовых.

Отец говорил с уверенностью безумца, в мире которого все происходит так, как он того хочет: единственная оставшаяся в живых дочь рождает внука, и тот наследует лучшие качества деда, получает титул и ведет Демидовых к процветанию.

Я его запасной вариант, которому пришло время вступить в игру.

— Мы можем сэкономить на приданном, — просветлел он лицом, уже просчитывая план: я замужем за наследником одного из Великих родов, получаю титул, который мне не полагался по праву низкого рождения и деньги мужа.

Деньги – второе, что интересовало отца после мести. Дела в семье шли не очень хорошо – слишком дорого обходились услуги стряпчих и чиновников, без которых не добратсья до батюшки-царя. Даже сейчас после ареста наших обидчиков и ведущегося следствия, дело висело на волоске, ведь и у арестованных имелись связи.

Я догадывалась, что отец все поставил на кон и сейчас пытался изыскать хоть какие-то свободные средства. Например, из моего скромного приданого.

Его не волновало то, что дочери придется выйти за человека, который будет ненавидеть ее всем сердцем и вряд ли разделит ложе по доброй воле. Мы все жили здесь лишь затем, чтобы положить наши силы, судьбы, здоровье на алтарь рода Демидовых.

Однако мое предложение – взвалить на плечи участь ненавистной жены, его изрядно удивило и уверена — позабавило. Главное, чтобы не показалось подозрительным.

— Вдобавок, женитьба на тебе станет еще одним унижением, — тут отец запнулся, поняв, что сказал не то, что следовало и поспешил меня успокоить: — Однако ты не бойся. Я потребую наложить на наследников ограничители сроком на год. Надеюсь, этого хватит, чтобы ты

понесла. А с обычным человеком ты справишься – в меня пошла, — его взгляд потеплел и тут же омрачился, стоило глазам скользнуть к груди, холмиками выпирающей на моем платье.

— Была бы пацаном, давно бы наследником признал. Дар в тебе настоящий, Демидовский! – он потряс кулаком, но на лице уже проступало разочарование — какой смысл в даре, если он девке даден...

Меня давно не задевали его слова. Когда-то ребенком хотелось чуда: заснуть и проснуться мальчиком. Я по-глупому подражала младшему брату, копируя манеру речи, походку, чем изрядно бесила Элима. Тот обрушивал на меня волну насмешек и издевательств, которые меня не останавливали. Я крада его одежду и носила тайком в своих покоях. Поумнев – сожгла все мальчишеские тряпки, а дурь выкинула из головы.

— Признавайся, кто из них тебе в сердце запал? Орлов-Давыдов? Или это щеголь Юсупов? А может, Голицын? Точно он. Девки всегда теряют мозги, когда видят мундир.

Вот я бы не стала выбирать Голицына. Этот здоровяк легко может скрутить и без всякой магии.

— Ну что вы, батюшка, — залепетала, терзая ткань платья. – Как можно... Я же исключительно...

— Оставь! – устало бросил отец, легко распознав мое притворство, однако истолковав его по-своему. – Хочешь повыбирать? Будет тебе выбор. Только не тяни с ним. Я желаю быстрее насладиться тем, как их отцы начнут подыхать один за другим.

Я вздрогнула. Сведенными от напряжения пальцами вцепилась в платье.

Вот тут наши пути с батюшкой расходились. Я готова была сделать все, что угодно лишь бы не допустить гибели наших врагов, потому что точно знала – они не убивали Элима.

18 апреля 1910 года. Петербург

День после судебного заседания

— Барышня, — проныла Аксинья, теребя завязки цветастого платка. – Позор же. Непотребство.

— Так ты за мной приглядишь, чтоб непотребства не случилось. Только на другую сторону перейдешь. Там и постоишь рядом с машиной. А я никуда отсюда не денусь. Клянусь.

Аксинья громко засопела, прожигая меня недовольным взглядом. Вредная она. Батюшке пожалуется. Ну и пусть. Тому сейчас все равно не до жалоб прислуги...

При мысли об отце в груди запекло гневом, дернулся, просыпаясь дар, и я поспешно отвернулась к Неве, возвращая контроль над силой.

Прикрыла глаза, защищая их от играющих на воде бликов. Удивительно теплая погода сегодня выдалась для апреля. Кажется, еще недавно стоял лед, по которому мы ходили пешком, катались на коньках, ездили на санях, а теперь за оградой набережной плескалась вода. И на ярком солнце она казалась темно-голубой, а не свинцовой.

Напротив меня золотом блестел массивный купол Исакия. За ним, по набережной, вытянулось до Дворцового моста Адмиралтейство, чей острый шпиль вечно соперничал со шпилем Петропавловской крепости.

За моей спиной в глубь Васильевского острова тянулись кирпично-красные университетские корпуса. Был понедельник, время близилось к обеду, занятия давно уже начались, и редкие студенты спешили успеть хоть на какие-то лекции.

Я подавила завистливый вздох. Тщетно я упрашивала батюшку отправить меня на Бес-тужевские курсы, он и слышать не желал о том, чтобы позволить мне посещать их. В его понимании – гувернантка и приглашенные учителя были гораздо лучше любых мест, где воспитывали эмансипе.

Солнечный свет мягко коснулся лица, ложась теплом на кожу. Я поспешно надвинула шляпку. Порозовевшая кожа не останется незамеченной фрау Вильгельминой или фрау Ведь-

мой, как называла я за глаза свою гувернантку. Ненавижу ее немецкую педантичность, яростную – до брызжущих с губ слюны – приверженность правилам, дурацкую кичку на голове – ни шанса для локона и запах нафталина, которым фрау фанатично пересыпала свои одежды панически боясь моли.

До нее моей гувернанткой была француженка и с мадмуазель – легкой и смешливой, как ветер – мы неплохо ладили, но батюшка счел легкость неподобающей, и мой единственный друг спешно вернулась в Париж, заставив меня горько проплакать пару вечеров подряд.

Внутри тоской шевельнулось несбыточное: уехать бы из Петербурга, вернуться в матушкину деревню на Урал, поселиться в избе и жить...

— Барышня, — испуганный шепот вырвал из видения — я и кудахчущие куры под ногами. До слуха донесся далекий перестук копыт, которому вторило громкое рычание мотора.

— Свободна, — в моем голосе прорезался металл. За спиной раздался испуганный писк, звук удаляющихся шагов. Надеюсь, Аксиныня вняла моему приказу и убралась на другую сторону дороги, потому как не того она боялась... Тем, кто назначил мне встречу, непотребство не интересно, а вот мое убийство весьма и весьма.

Дробный перестук копыт приближался, грохоча по мостовой. Оборвался он четко за моей спиной, заставив меня крепче вцепиться в поручень парапета.

Мелькнула мысль – вода близко. Нырнуть – и конец мучениям. Смерть в ледяной воде наступит быстро. Впрочем, вряд ли мне позволят умереть те, кто желает убить меня лично...

Стоило назначить встречу подальше от воды, например, в Летнем саду, но там много лишних ушей. Их и здесь хватало, однако машина с гербом отпугивала простолюдинов, боящихся связываться с аристократами.

Я бы тоже с радостью не стала связываться с аристократами, но судьбой мне была уготована участь внебрачной дочери Демидова, еще и по глупости восставшей против воли отца...

Выдохнула, цепляя на лицо маску-улыбку. Отпустила ограждение и, стиснув в руках ридикюль, словно он мог стать для меня щитом и повернулась, встречая гостей.

Феликс Юсупов младший прибыл за рулем собственного автомобиля. Известный в обществе позерством, он ездил с опущенным верхом даже зимой.

Получивший образование за границей, Сергей Орлов-Давыдов не привык к русскому мотовству и на встречу приехал в наемной пролетке. Легко выпрыгнул из экипажа, и тот поспешно укатил – возница разглядел гербы на двух, припарковавшихся к набережной автомобилях, не став задерживаться.

Голицын по старинке выбрал скакуна из родовых конюшен. Тот был под стать хозяину: вороной масти, с длинной, плавно изогнутой шеей и тонкими, сухими ногами, выдававшими породу орловского рысака. Он нервно косил глазом на воду за парапетами и тяжело дышал после скачки, роняя на мостовую капли слюны.

Мужчина ловко спрыгнул с седла, намотал уздечку на кулак, шагнул ко мне, присоединяясь к двум уже подошедшим товарищам.

Трое друзей. Наследники богатейших и знатных семей, а еще завидные женихи.

Сегодня по воле императора и во имя искупления вины их отцов я могу любого из них выбрать в мужья. Общество одобрит – закон о мести великих родов незыблем уже три сотни лет.

Трое – таких разных и... одинаково желающих свернуть мне шею. Они даже не утруждались это скрывать, глядя на меня, как на таракана под подошвой их сапог.

«Недопустимо», — высказалась бы моя тетка на их поведение, но я считала иначе. Для меня недопустимым было то, что творил отец. Настолько, что я не смогла остаться в стороне и теперь расплачивалась за собственную принципиальность.

Феликса природа одарила узким, почти женственным лицом, бледной до прозрачности кожей, которую оттеняли темные, гладко зачесанные волосы. Глаза — светлые, выцвет-

шие, смотрели вскользь, насмешливо, не задерживаясь на собеседнике дольше секунды. О нем ходило столько слухов, что складывалось ощущение – где-то существует с десяток Феликсов, творящих непотребства, разврат, одевающих женские платья и спускающих кучу денег на актрис.

— Мария Павловна, — он взял мою руку, поднес к губам, не сводя с меня прозрачных, почти бесцветных глаз. — Вы последний человек, с кем бы я хотел встречаться сегодня.

Мои губы все же дрогнули – чего он и добивался своей грубостью. Я выдернула руку, отступая. Спины коснулся холод гранитной ограды, намекая, что дальше пути нет.

— Благодарствую за честность, князь, — собственный голос прозвучал холодно и безлико, словно затянутый снеговыми тучами день.

— Вашему батюшке наверняка приятно, что его отродье пошло по его стопам, — на тонких губах Феликса зазмеилась неприятнейшая улыбка. В обществе его побаивались за дикий нрав, безрассудную храбрость и острый язык, а еще за родовой дар-проклятийника. — Мало вам было уничтожить нас, желаете еще и унижить? Только не смейте говорить, что это план вашего отца, дорогуша! Вы хоть и внебрачная дочь, однако образование получили, одеты, обуты. Какой отец заставит свою кровиночку страдать от ненавистного брака?

И он огорченно – словно переживая за меня – покачал головой, только в глазах жило единственное желание: убить.

— Не посмею, — согласилась я, с трудом удерживаясь от того, чтобы закатить ему пощечину. Актрис своих «дорогушами» называть будет, подлец! Что он вообще знает об унижении? Он хотя бы раз в жизни ночевал на грязных камнях вокзала? Рылся в отбросах? Мучился бессонницей от голода?

В бесцветных глазах промелькнуло искреннее изумление.

— Не думал, что вы столь бесстыдны... — с каким-то уважением, словно встретил более сильного, чем он сам противника, протянул Юсупов.

— Мне плевать на ваше бесстыдство, — не выдержал Голицын, взрываясь гневом. На мгновение я испугалась, что браслет-ограничитель не выдержит – таким сильным жаром пахнуло от князя, но артефакт справился, сдержав огненную силу наследника.

Петр Дмитриевич богатырской статью пошел в деда. Широкие плечи обтягивал добротный, без излишеств красный мундир Кавалергардского полка. Тонкие черты лица дополнял массивный подбородок. Щегольские усы напоминали крылья птицы. Одна бровь была выше второй, отчего казалось, что князь все время усмехается. Сегодня эта «усмешка» терялась на фоне ходящих на скулах желваков и бешенства, плещущегося в черных глазах.

— Знайте, я лучше сдохну, чем женюсь на вас. Это мое последнее слово.

Голицын птицей взлетел в седло. Пришпоренный конь сорвался в галоп и помчался, грохоча копытами по мостовой, распугивая прохожих и экипажи.

На той стороне дороги испуганной птицей металась Аксинья. На бледном лице шевелились яркие губы. Я прекрасно представляла, что она сейчас бормочет присказкой: «Ой, бя-я-яда. Барин накажет, розгами выпорот, на каторгу отправит».

Напрасно она на барина надеялась. Сначала ее фрау Ведьма на фарш перекрутит и сделает свои любимые колбаски, от которых наш дом, когда она их готовила, напоминал коптильню мясника.

— Соглашусь с его сиятельством, — тихо, с льдинками, застрявшими в словах, заметил Сергей Орлов-Давыдов.

Граф был одет в строгий темно-серый сюртук, пошитый у модного портного. Лицо исполнено той красоты, с которой пишут иконы. Русые волнистые волосы гладко зачесаны назад, открывая высокий лоб. Глубоко посаженные серо-голубые глаза глядели пытливо, словно пытаясь пробраться мне в душу. Тонкий нос, худое, почти изможденное лицо в обрамлении шикарных бакенбардов – дань семейной традиции.

Представляю, сколько ему пришлось пережить из-за нас...

— Уведомляю вас, госпожа Демидова, — его сиятельство глянул на меня так, словно мы уже находились в суде, — мои поверенные готовят документы для оспаривания вашего непомерного требования. Эту поправку к закону давно следовало отменить. А теперь я вас оставляю, — и он коснулся пальцами котелка — выучка не позволяла уйти, не откланявшись, и зашагал прочь по набережной.

— Как видите, дорогуша, ваш план заполучить себе знатного жениха идет к чертям. Чему я безмерно рад, — Феликс шагнул ближе, Акси́нья тоже сделала пару шагов к нам, но замерла пойманным в силки зайцем, комкая сташенный с головы платок.

— Бойтесь спать по ночам, моя милая, — улыбнулся он так, как улыбнулась бы сама смерть.

— И передавайте привет папаше, — махнул рукой, отступая.

Хлопнула дверца машины, взревел двигатель, выбрасывая в воздух сизый клуб дыма, и только тогда я смогла выдохнуть. Получилось!

Глава 2

— Бары-ы-ышня-я-я! — с воплем раненой коровы ко мне бросилась Акси́нья.

Я прикрыла глаза, ощущая, как накатывает слабость, а следом приходит нервная дрожь, молоточками стуча в груди. И мир задрожал вместе со мной, а эмоции впивались полотном пространства, рождая в нем волну откликов.

Опоясывающий набережную гранит отозвался приятным холодком, обещая упорную борьбу, прежде чем подчиниться. Мрамор колонн особняка, стоявшего напротив, ощущался теплом, и в его голосе звучала неприкрытая гордость за собственную красоту. Каменная мостовая ныла, жалуясь, на топчущие ее ноги. Песчаник шелестел, словно капли дождя за окном. У каждого из них был свой голос, своя история. И я могла бы...

— Барышня? — в реве Акси́нии зазвучала откровенная паника.

— Про-о-охор! — заорала она во всю мощь своей луженой глотки. — Езжай до барина. Скажи, они опятьс. Сиять изволят.

Сиять — это плохо. Сиять — это три вечера сидеть вместе с Ведьмой, занимаясь дыхательной гимнастикой, выслушивая нравоучения о том, что неприлично барышне дар свой демонстрировать. Магия — она для мужчин. Женщина обязана передать дар детям — в этом ее основное предназначение.

Не удержавшись, я как-то раз добавила с сарказмом: «И единственное», за что была умучена пятью часами рассуждений о роли хозяйки в доме, хранительнице домашнего очага и той основе, на которой держится семья.

«От вас, барышня, не обуздай вы свой нрав, любой муж сбежит», — добавила в конце ядовито фрау.

Что же... Она оказалась права. Сегодня от меня сразу три кандидата в мужья сбежало.

— Не нужно звать батюшку, — прошептала я непослушными губами.

Вдох. Задержка дыхания. Длинный выдох. Расползшийся по окрестности дар с трудом собирался в центр груди. Туда, где ему следовало пребывать.

Запястье обожгло, словно к нему горячий фитилек приложили. Я стиснула зубы, не позволяя себе ойкнуть. Как не вовремя! Впрочем, что сейчас «вовремя»?

— Все! Успокойся! Не сияю больше, — сунула я свою руку под нос бледной Акси́ньи.

Та все еще продолжала испуганно смотреть на меня выпученными глазами, хлопая здоровенными — точно, как у коровы — ресницами. И это она у нас три года уже служит. Успела насмотреться на магов — батюшка, бывало, впадая в гнев, и чугунную ограду в колющий шар сворачивал.

Сама-то Акси́нья из деревни. Магов вблизи, лишь попав к нам в дом, впервые увидела. Так что визгу поначалу было... У меня аж уши закладывало — глотка у Акси́ньи, дай Бог, каждому генералу иметь. Бывало хорошенько провизжавшись, Акси́нья подкошенным снопом валялась в обморок, словно это она у нас была благородной барышней, а не я.

Я стояла, терпеливо ожидая, когда служанка отомрет.

Долгие мгновения хлопанья ресницами и, наконец, на широком лице появилось просветление.

— Фу-у-ух! — выдали мне в лицо аромат чеснока и кислых щей. — Уж как я перепугалась, барышня! Думала все — конец мой пришел. Сейчас вы полыхнете — и останутся от меня одни рожки, да ножки.

— Мой дар не может полыхнуть, — терпеливо напомнила я.

А вот Голицынский вполне. Не до рожек, конечно, до пепла. Не зря у них боевых магов — целый род с основания. И прислугу мы обучали, чтоб не лезли к особо опасным под руку. Простой люд, конечно, защищен законом, только сорвавшийся на убийство маг выплатит штраф, да походит какое-то время в ограничителе — вот и все наказание. Другое дело, если маг убьет мага...

Прохор вышел из машины и сейчас топтался рядом, нервно комкая в руках картуз.

— Может, поедem, барышня? — промямлил он, упорно отводя от меня взгляд.

Такое избегание частенько случалось после моего «сияния», когда слуги резко вспомнили о том, что я унаследовала родовой дар Демидовых.

— Пройтись мне хочется, Акси́ньюшка, голова что-то дурной стала, — в моем голосе проскользнули просительные нотки.

Я хоть и барышня, да только барышня незаконнорожденная и от прислуги меня отделяет лишь добрая воля признавшего меня отца. И слуги всегда будут помнить о том, что моя мать одна из них. Я тоже.

— Ну что стоишь? — накинулась Акси́нья на не в чем неповинного Прохора. Тот вздрогнул, попятился под напором служанки. — Слышал — барышня прогуляться хочет. Езжай до Благовещенского моста. Там нас и подберешь.

И мы неспеша двинулись вдоль гранитного парапета. Акси́нья гордо шествовала впереди — смирилась уже с моей причудой идти позади прислуги. Временами она бдительно оглядывалась, проверяя, не утащили ли меня демоны, которые, по ее мнению, охотились за всеми магами без исключения.

Порой мне казалось, она гордится моими странностями, а еще больше тем, что до сих пор не сбежала от чудовища, каким я была в ее глазах.

С чудовищ мои мысли нырнули в глубокое прошлое.

Когда-то церковь пыталась присвоить магию себе, обрядив её в черные монашеские рясы, остальных объявив еретиками и сынами демонов. Костры в те годы пылали в Европе особенно часто. Историки до сих пор спорили о том, сколько магов погибло в том огне. Судя по тому, что среди простолюдинов одарённые почти выродились, — почти все.

Обеспокоенная аристократия узрела в действиях церкви прямую угрозу себе. Магия была силой, которая давала власть. Властью же никто не желал делиться.

Князья, бароны, графы объединили под своей крышей выживших и выдвинули церкви ультиматум. Святая братия, оценив равенство сил, признала за аристократией право быть магами, навязав ограничивающий их свободу кодекс. Так образовались первые Великие рода.

Укол в запястье напомнил о том, что меня ждут. Я расслабилась, выпуская на свободу кусочек пламени, живший во мне. Перед глазами сверкнула искра, прокатилась колесом по парапету и замерла, превратившись в мелкую — размером в два вершка — девочку в ярко-голубом сарафане. Босые ступни весело приплясывали на гранитном камне. Сарафан колыхался,

то надуваясь колоколом, то обиваясь змеей вокруг ног. Рыжие кудряшки выбивались из-под белого платка. От парапета пахло теплом, словно к нам заглянул кусочек лета.

Огневушка. Мой фамильяр.

— Ох и компания у тебя, Маша, — проговорила девочка тоненьким, звенящим голоском, который был слышен лишь мне. — Один как коршун, второй чисто медведь в берлоге, а третий как камень, — и Огневушка задорно рассмеялась, сверкнув искрами в рыжих волосах.

— Что скажешь? — спросила я с любопытством. Огневушка не просто чуяла людей, она видела их сущность, что было крайне полезно при общении с теми, кто привык носить маски.

— Ты просила мое мнение — получи, — девочка заглянула с парапета в воду, неодобрительно покачала головой, потом вернулась ко мне и пошла рядом. — У коршуна внутри такая пустота, что я чуть не замерзла, когда он на тебя смотрел. Холодный, как самая глубокая пещера. И он наслаждается ненавистью к тебе.

— А Голицын?

— О, этот — огненный. — Огневушка подпрыгнула и закружилась, оставляя в воздухе огненные следы. — В нем столько злости, что я чуть не выскочила от восторга! Он как угли в печи, которые вот-вот разгорятся. Хорошая сила, чтобы объединиться с тобой.

— Что?! — я вздернула брови. — С ума сошла? Он хочет меня убить.

— Ну, хочет, — пожала плечами Огневушка. Она подошла ближе и взяла меня за палец — ее прикосновение было теплым, почти горячим.

— А граф? Он злился меньше остальных. Для него ты загадка.

А вот это нехорошо. Если он заподозрит, что я веду двойную игру — быть беде.

Никто из них никогда не признает меня союзником. Скорее решат, что я желаю заслужить их доверие, дабы добиться согласия на брак...

— Барышня, что вы там бормочете? Сами с собой разговариваете? — обернулась ко мне Аксинья.

Возраст и положение незаконной дочери давали прислуге негласное право относиться ко мне без должной почтительности. В открытую не хамили, но и спину, как перед батюшкой, не гнули.

— Молюсь о счастливом браке, — ответила коротко. Огневушка уже успела скрыться внутри меня.

Аксинья в ответ глянула, как на скорбную умом — с глубоким состраданием.

Вот даже глупая деревенская девка понимает дурость моей затеи. Интересно, почему остальные ее не видят? Верят в то, что я действительно желаю выйти замуж ради титула? Или ради денег?

Хотя, о чем это я? Отношения высшего света строятся на этих двух вещах, за редким исключением, например, в лице Шереметьевых. В прошлом столетии глава рода тайно женился на бывшей крепостной крестьянке. Их брак даже признали, правда после смерти возлюбленной графа. Что дало возможность передать титул их сыну.

В моем случае брак уже одобрен, однако легче от этого не становилось...

Орлов-Давыдов прав. Ту поправку к закону о мести родов давно следовало отменить.

На Руси не было такой охоты на «ведьм», как у соседей, зато у нас было крещение, из-за которого ведуны оказались вне закона и были нещадно истреблены.

Церковь принесла с собой на Русь магический кодекс и традицию Великих родов.

Ведунов, хранивших древнюю, стихийную магию, постепенно истребили, оставив одаренным, которые все еще появлялись среди простолюдинов, два пути: уйти в монашеский орден Исцеляющих или примкнуть к одному из родов. Правильнее было бы называть их кланами, но на Руси не прижилось это слово.

Дворянский титул тогда жаловали за сильный магический дар и службу на благо отечества. Пожалованные не всегда желали примкнуть к одному из Великих родов, порой образо-

вывая свой собственный – Малый. В результате их возникло изрядное число. Некоторые из них со временем возвысились до Великих, а кто-то из Великих, наоборот, угас.

Единственные неучтенные, на которых церковь закрывала глаза, оставались знахарки: слишком мелко, чтобы возиться, да и в дальних селах они были единственными лекарями. А ежели кто оказывался особо талантлив и не умел прятаться, свои же односельчане сдавали властям.

В истории неизменно выходило так, что рода оказывались под ударом. То Иван Грозный заподозрит в попытке сместить его с трона и натравит опричников. То церковь проведет реформу, а тех, кто против — объявят староверами и выселят в Сибирь. То война случится, где нужно или защищать, или нападать во славу батюшки-царя.

Со временем Великие рода начали мельчать, а Малые исчезали без следа.

Вдобавок, наступила эра магических дуэлей, изрядно подсократившая число магов. Зато дар удалось усилить – он стал родовым и передавался по наследству. У нас, Демидовых, это была способность искать и находить золото, серебро, жилы драгоценных камней, работать с металлом. Потому огонь нам тоже был близок.

Михаил Романов первым заговорил о сохранности родов, как силе, на которой держится могущество Российской империи.

Маги расценили это, как желание короны посадить их в безопасную клетку. И чтобы успокоить их Михаил Федорович принял закон о родовой мести. Вендетте. Теперь маг, убивший другого мага, отвечал за убийство всем родом. И чем выше и сильнее был убитый маг, тем сильнее было наказание.

Правда, дуэли это полностью не искоренило, но изрядно подсократило.

Позже Елизавета Петровна внесла ту самую поправку, согласно которой если род терял убитым наследника, он мог потребовать от виновной семьи предоставить им сильного мага для продолжения рода и укрепления дара.

Правда воспользовались этой поправкой лишь раз, да и то потом оказалось, что молодые были безнадежно влюблены друг друга. Но так как принадлежали они к враждующим между собой семьям, шанса на их свадьбу не было ни одного. И когда случилась очередная дуэль, повлекшая за собой гибель брата девушки, она упростила императрицу выдать ей разрешение на брак. На удивление тот был даже удачным, хотя с родственниками пара порвала все отношения.

Не мой случай, увы. Меня не связывали романтические отношения ни с одним из наследников обвиненных родов. А о том чувстве, что жило в глубине сердца, лучше было и не думать. Даже если все случится так, как я мечтаю – моя персона будет вызывать у «женихов» лишь приступ головной боли, а фамилия Демидовы навсегда останется под запретом в их домах.

Вдобавок, я не знала точно, кто убил Элима. Знала лишь то, что отец использовал его смерть, обвинив в ней трех своих друзей. По официальной версии, юноша вспылел, услышав нелестное высказывание о своей матери. Маги были нетрезвы, и ситуация вышла из-под контроля. Но приговор не был бы столь суров, если бы в дело не вмешалась политика, и отец не представил суду другую версию.

По ней Элим подслушал разговор о заговоре против императора. Главы трех Великих родов считали Николая Второго слишком слабым, чтобы править страной. Верили, что монархия изжила себя. Ставили на усиление конституции, принятой всего несколько лет тому назад. На власть аристократии и буржуазии. На то, что Россия должна стать не империей, а чем-то иным. Хотели спасти страну, которая по их мнению скатывалась в пропасть.

И батюшка как-то ухитрился убедить императора в том, что тот обвиняет Юсупова, Голицина и Орлова-Демидова не просто в убийстве пятнадцатилетнего юноши, а казнит заговорщиков, защищая трон и Россию. Отец всегда умел найти нужные слова.

— Барышня! – окликнула меня Аксинья. – Вы опять о чем-то задумались? Стоите, прости Господи, соляным столбом и на воду пялитесь.

— Смотрю, Аксинья, а не пялюсь, — поправила я ее. Девка в ответ фыркнула, не соглашаясь. Пялиться и смотреть для нее были разные вещи.

— И что там интересного? — она подошла, встала рядом. — Вода и вода. У нас, в деревне, тоже речка была. Ужее, конечно, зато быстрая... Упустишь, бывало, белье, в жизнь не догонишь. А холодная...

И она передернула плечами.

В матушкиной деревне, где мы жили, тоже была река. И детвора там купалась, несмотря на бодрящую даже летом водичку. А вот я так и не смогла преодолеть свой страх...

— Поехали домой, — приказала я, понимая, что глупо оттягивать неизбежное. Рано или поздно все равно придется возвращаться.

— Где вы ходиль? — фрау уже пятнадцать лет жила в России, а все равно коверкала слова на немецкий манер, находя в этом удовольствие. Нас она считала варварами, которые до сих пор бьют друг друга морды на Масленицу, пьют водку ведрами, а в бане парятся вениками, которые, по ее мнению, годились лишь для того, чтобы мести полы.

Каждый раз, когда я позволяла себе лишнее слово или жест, она смотрела на меня с таким видом, будто я только что публично сплясала вприсядку на обеденном столе.

— Погода какая, уважаемая фрау Вильгельмина, — улыбнулась я ей, протягивая шляпку служанке и стягивая перчатки. — Солнышко светит, душа поет.

— У вас траур, — и без того вечно скорбное, с поджатыми губами лицо гувернантки вытянулось еще больше, в темно-зеленых глазах блеснуло презрение ко всему мирскому. Ей бы в монастырь, а не к нам в дом. Однако батюшку ее скорбность весьма устраивала, и он считал ее влияние на меня благотворным.

— Невеста не должна выглядеть заморенной без свежего воздуха, — напредила я фрау, чем заставила ее неприязненно поморщиться.

Мою затею она считала великой дуростью, которую нужно излечить голодом и ударами палкой. Пожалуй, это был первый раз, когда Ведьма разошлась во мнении с отцом. И они даже поругались.

В тот вечер перед тем, как захлопнуть дверь кабинета, на весь этаж разнеслась гневная фраза отца: «И плевать мне на приличия. Когда они убивали моего сына, им не до приличий было. Пусть теперь заплатят за все».

Полугодовой траур по Элиму будет чистой формальностью. Отец намекал, что и трех месяцев достаточно, из которых полтора уже миновали. А дальше можно сыграть скромную свадьбу, без гостей — только близкие с нашей стороны и жених: в наручниках и под конвоем. Забавная будет свадьба. Высшему свету на пару месяцев сплетен хватит.

Надеюсь, так далеко дело не пойдет. Хотя занятно будет посмотреть на Голицына в наручниках.

— Вы повторять Шиллера. Балладу «Перчатка», — фрау Ведьма всегда знала, на чем отыгаться. Она здесь за тем, чтобы учить меня немецкому и манерам, а еще шпионить за каждым моим шагом. И немецкий я искренне считала злом, данным мне в наказание.

Когда я попала в дом к Демидовым, отец отправил меня в особый пансион для «воспитанниц» — так деликатно называли внебрачных дочерей знати.

В давно нуждавшемся в ремонте особняке под Петербургом было дико-холодно зимой — печи топили отвратительно и сыро настолько, что с потолка капало, когда шел дождь. Нас учили закону Божию, русскому языку, основам арифметики, истории, географии, французскому языку, литературе и философии. Но самое большее внимание уделялось манерам. От внебрачных детей, какими мы были, требовалось идеальное послушание. Раз уж мы одним своим рождением оскорбили отцов, то не должны были доставлять им хлопот впредь. К тем, у

кого проявлялся родовой дар, приглашали магов-учителей. Я была в числе счастливиц, которые вместо вышивания и плетения кружев занимались подчинением собственного дара.

Два года назад отец внезапно забрал меня из пансиона, объявив, что пришла пора дать мне более серьезное образование и подобрать мужа. Переезд из давящих стен особняка, где за малейшую провинность нас били розгами по ладоням или запирали в холодной комнате, оставляя без ужина, был встречен мною с радостью. Тогда я еще не знала, что тюрьма может быть разной, однако она всегда останется тюрьмой. И я еще с благодарностью буду вспоминать пансион, где мы спали по десять человек в комнате, грызли сухари на полдник, а зимой жевали моченые яблоки, выдавая их за лакомство.

Вечером меня вызвал к себе отец. Шла к нему, как на казнь. Наши встречи давно стали мучительными для обоих. Я знала этот взгляд: тяжелый, колючий, в котором читался вопрос: почему жива именно я, а родной сын мертв.

Кабинет встретил меня запахом табака и коньяка. Батюшка пристрастился к выпивке после смерти жены, и я боялась выходить по ночам из комнаты, не желая столкнуться с нетвердо стоящим на ногах отцом.

— Ты не будешь больше с ними встречаться, — сказал он, не отрывая взгляда от разложенных на столе бумаг.

— Как пожелаете, батюшка, — я присела в реверансе. Аксинья все-таки донесла отцу о моей встрече с женихами.

— Собирайся, отправляешься в Вишневец.

Как и ожидалось – отец отправляет меня из Петербурга. Будто это поможет избежать скандала! Уверена, газетчики носом землю роют, чтобы достать подробности дела гибели наследника Демидовых.

— Могу я хотя бы задержаться до Пасхи?

Отец все-таки поднял голову и посмотрел на меня: тяжело, неприязненно, словно я была тем самым камушком, который натирал ему весь день ногу.

Он откинулся на спинку кресла, потер красные от выпивки и недосыпа глаза.

— Я выставил этот дом на продажу.

Пауза. Мои похолодевшие пальцы.

Особняк на Большой Морской был гордостью семьи, а его особенным величием – малахитовые колонны, которые прадед привез с Урала. Монферран впервые в Петербурге решился на такую дерзость — облицевать целый зал камнем, из которого раньше делали только шкапулки и табакерки.

Особняк строили для красавицы Авроры Шернваль, фрейлины императрицы, ставшей женой прадеда. Каждая деталь здесь дышала историей, в которой мы явно окажемся последним и, кажется, не самым значительным словом.

— Твой брак может нас спасти, — подался отец вперед. Отложил перо. Встал из-за стола, прошелся по кабинету. До меня донеслось бульканье – и запах коньяка стал острее.

— Выбери самого богатого щенка, и пусть он покроет наши долги, — отец довольно крякнул. – Я дам тебе неделю на сборы и принятие решения. Перед тем, как уехать – скажешь имя своего избранника, а пока можешь идти.

Я выскочила из кабинета, словно за мной гналась толпа чертей.

Остановилась перевести дух. Скульптурные гермы, поддерживающие балкон второго этажа, смотрели на меня с высоты, храня немой укор — мы, Демидовы, больше не хозяева своего величия.

Усадьба в Сиворицах была продана еще в прошлом веке; от дачи на Петергофской дороге остались одни воспоминания. Более всего отцу было жаль усадьбу в Демидовом переулке – там был первый в России кегельбан, а веранда и лестница на второй этаж были отлиты из чугуна на

нашем заводе. И только этот особняк, с его пышным фасадом и пока еще демидовским гербом, держал на себе всю тяжесть нашего положения.

Но скоро и он уйдет с молотка, потому что я не собиралась его спасать. Больше потери имущества меня пугало безумие отца и его планы уничтожить сразу три Великих рода.

В ту ночь, когда мы все были потрясены убийством Элима, я не смогла уснуть. Горничная забыла принести мне воды, и я спустилась вниз, на кухню. Проходя мимо черного входа, столкнулась с отцом. Он уже был пьян, и я притаилась за портьерой, не желая попадаться ему на глаза. Нетрезвым он пугал меня до икоты. Он словно становился другим человеком, бормотавшим страшные вещи. Но в тот раз отец был еще достаточно трезв, чтобы тайно встретиться с неизвестным мне мужчиной под покровом ночи.

Из их разговора я и узнала о планах отца обвинить в смерти Элима своих друзей. Бывших друзей. Дар Демидовых мог заставить камни заговорить и показать недавнее прошлое. Их «память» должна была стать главной уликой обвинения. Но я не знала, что отец умеет заставлять камни лгать. А главное — не понимала: зачем ему это и кто на самом деле убил брата и почему.

Глава 3

Утром фрау без стука вошла в мою комнату. Раздернула тяжелые портьеры, и серый свет лег на дубовый паркет. Порадовавшее меня вчера солнце сегодня решило спрятаться за мрачными тучами.

Гувернантка вытащила утренние газеты из подмышки и с неодобрительным шлепком уронила их на кровать.

— А я вас предупреждать, — заявила она тем самым противным тоном, от которого у меня начиналось несварение.

И что там? Судя по довольному лицу Ведьмы, нечто отвратительное.

Я села на кровати, подтянула к себе верхнюю газету и на первой же полосе в глаза бросился крупный заголовок:

«Брачная вендетта госпожи Демидовой».

Прекрасно. Кто-то решил меня устыдить, а заодно опозорить.

В статье некто по фамилии Правдоручка живописал меня монстром, желающим унижить прекрасных людей. С одной лишь поправкой – отцы этих идеалов воспитания и поведения сейчас находились в заключении по обвинению в убийстве и заговоре против короны. Последнее не было предъявлено официально за недоказанностью, но короне достаточно и намек на неверность, чтобы подданный впал в немилость.

Смелый ход и бессмысленный. Сложно испугать байстрючку осуждением общества.

Остальные статьи были не лучше. Судя по тому, как дружно они вышли – к ним приложили руку мои драгоценные женихи. И не лень им было тратить деньги на подобную глупость? Мой отец вон уже поистратился...

При мысли о том, что особняк выставлен на продажу, настроение резко ухудшилось. Как бы я ни храбрилась, терять дом было непросто. Мне нравилась моя комната – просторная на третьем этаже. Нравилось жить в двух шагах от Исаакиевской площади, где приятно было прогуливаться, любясь фасадами Англетера и Манежа.

Впрочем, если все удастся так, как я планирую – о прогулках по Петербургу придется забыть навсегда.

— Ви не расстроен? – удивилась фрау. Она предвкушала истерику, слезы, заламывание рук и причитания о том, что жизнь закончена. Даже жаль ее разочаровывать.

— Это было ожидаемо, — пожалала я плечами.

— Но вам закрыть вход в любое общество, — выдохнула потрясенно гувернантка. Для нее это высшее общество было недостижимой целью, для меня, впрочем, тоже.

Я посмотрела на нее с иронией, и женщина смутилась, вспомнив о том, что воспитанница не может посещать светские мероприятия. По закону, конечно, никто мне этого не запрещал, но если появлюсь на балу – буду в роли невоспитанной дворняжки, очутившейся среди бело-снежных левреток. Одними взглядами можно сыпь на коже заработать.

— Не понимаю вашего отца, — Вильгельмина осуждающе поджала губы, и зелень в ее глазах посветлела, а взгляд сделался возмущенным.

— Вы добиться справедливости, зачем еще этот брак?

Боится, что ее имя будет связано с моим? – догадалась я. И она не сможет использовать рекомендательное письмо Демидовых в поисках работы. Не могу сказать, что мне было ее жаль. Слишком много было между нами неприятного...

Вместо ответа я пожала плечами.

— Мне доложить, вы вчера сорвались, — вспомнила о своих обязанностях гувернантка. – После завтрака я хочу, чтобы вы посвятить время контроль над даром.

Я стиснула зубы... После завтрака у меня были иные планы, но спорить с Ведьмой себе дороже, впрочем, я попыталась.

— Батюшка дал неделю на сборы. Мы уезжаем в Вишневец.

— И слава Богу. Давно пора.

Неужели Ведьму настолько пугали сплетни вокруг меня и будущая свадьба, что она была рада сбежать из Петербурга? Хорошо бы испугали настолько, чтобы она оставила нас совсем...

— Сборами займется Аксинья. Не дело барышне собственные вещи перебирать.

И точка в нашем споре была поставлена.

Дышать, то расширяя дар и выпуская его за пределы тела, то собирая в одну точку, было выматывающе непросто. Поэтому я с облегчением встретила доклад горничной о том, что барышню просят. Некий молодой господин по фамилии Курзин.

Не знаю такого.

Занятно, кто ко мне пожаловал, еще и столь рано. Визиты до обеда – моветон для Петербурга.

Я освежилась после тренировки, переделалась в чистое домашнее платье. Аксинья, с испугом косясь на мрачную, как настоящая ведьма, Вильгельмину, уложила волосы в простую прическу.

У нас траур, так что я отложила в сторону шкатулку с драгоценностями и прошла в малую гостиную. Вильгельмина, словно тень смерти, следовала за мной.

— Сударь, потрудитесь объяснить цель...

Дальше слова застряли в горле, потому как гость обернулся от окна, и я узрела Юсупова младшего в дурацком рыжем парике, с наклеенной бородой, одетым в дешевый сюртук, еще и заляпанного чернилами. Он его с приказчика что ли снял?

За спиной что-то с шелестом упало на пол. Я обернулась – привалившись к закрытой двери, на полу сидела Ведьма.

Мертва? – бросилась к ней с испугом.

— Не извольте беспокоиться, дорогуша, — с ленцой донеслось до меня от окна. – Ваш пербер сладко спит.

И действительно, фрау приоткрыла рот и громко, по-мужицки, всхрапнула.

— Что вы себе позволяете?! – я гневно выпрямилась. – Что за дурной маскарад?

— Все для вас, Мария Павловна, — Феликс склонился в шутовском поклоне, не делая попытки приблизиться. И правильно. Я бы закричала.

— Как это возможно? – нахмурилась я, неприятно пораженная храпящей у моих ног гувернанткой. – На вас же ограничитель.

— Который позволяет мне использовать силу для защиты собственной жизни, — усмехнулся Юсупов, и в его светлых глазах блеснуло торжество. Уверена, ради этого представления он сюда и пожаловал. Запугать меня. Дать понять, что не полностью беспомощен передо мной даже с ограничителем.

— Для усыпления много сил не требуется, — пожала я плечами, старательно держа лицо. Пусть подавится своим запугиванием.

— А рыжий вам совсем не идет. Слышала, вы предпочитаете женские наряды?

Он все же шагнул ко мне. Остановился напротив. Глянул так, что я невольно попятилась, чуть не наступив на спящую гувернантку.

— Следующий раз учту ваши вкусы, — склонил он голову. Я видела, как дернулся его кадык, поза сделалась напряженной словно у хищника перед прыжком.

Спокойно. Он не нападет здесь, у меня дома. Просто пугает. И я улыбнулась ему настолько широко, насколько смогла.

Мужчина мгновенно уловил смену моего настроения, расслабился и почесал фальшивую бороду — та чуть съехала на бок, и мне до зуда в пальцах захотелось ее оторвать, желательно вместе с кожей.

— Как вам сегодняшняя пресса? — с издевательской вежливостью осведомился Феликс.

— Весьма занятно, — улыбка продолжала стечь на моих губах. — Какой слог, какая фантазия! Такие сказки стоит читать на ночь.

— Если бы это было сказкой...

Он все же не выдержал, и в голосе — правдой — проскользнула горечь, а следующий миг Юсупов оказался непозволительно близко. Навис надо мной, обдавая ароматом туалетной воды. Слишком дорогой для простого приказчика.

— Скажите, сколько вы хотите за то, чтобы отказаться от затеи выйти за меня замуж?

Я завороченно уставилась на чернильное пятно, уродовавшее воротник рубашки. Подняла взгляд выше. Чертова рыжая борода! С ней Юсупов походил на извозчика, решившего надеть приличный костюм.

— Отказаться выйти за вас и выбирать среди оставшихся двоих? — с любопытством уточнила я.

Феликс чуть отступил, криво усмехнулся. Глянул так, что я себе торговкой, продающей плесневый товар на рынке, ощутила.

— Назовите цену — я ее утрою и оплачу их долю.

В этом весь Юсупов. Холодный, циничный, но при этом преданный друзьям. Жизнь нацепила на него много масок, однако я помнила его другим. Орущим на меня: «Дура полоумная! Куда полезла? В омут? Совсем мозгов нет? Утопиться решила? Не умеешь плавать — не лезь!»

И уже через мгновенье с раздражением: «Не реви! Не реви, я сказал!».

«Держи», — он сорвал с себя медальон — серебряный с изображением святителя Николая. Сунул захлебывающийся в рыданиях мне и ладонью утомленно прикрыл глаза.

«Держи, только перестань реветь. Ненавижу, когда режут».

В то лето мне было десять, им по пятнадцать-шестнадцать. Поместье Голицыных располагалось недалеко от деревни матушки, и трое барчуков частенько навевались к речке — освежиться в прохладных водах Вижай.

Это меня и спасло.

Деревенские не сунулись бы в омут, боясь чертей, которые, по их мнению, там жили, а приезжие парни пожалели барахтающуюся в воде девчонку и вытащили на берег.

Все трое приехали погостить на каникулы в поместье Голицыных, и наше первое знакомство состоялось отнюдь не на светском раунде. Позже, через много лет, когда мы встретились на приеме по случаю именин отца, они меня не узнали. Я для них осталась в памяти загорелой, исцарапанной, в порванном, мокром сарафане девчонкой, которую они вытащили на берег.

До их отъезда я тайком приносила им цветы, оставляя их на подоконнике усадьбы, украшала венком из одуванчиков велосипед — чудо машину, на которой разъезжали барчуки на зависть деревенским ребятишкам. Мое почитание было слепым и детским. И, наверное, именно оно стало первой причиной желания исправить поступок отца.

Юсупов ошибался. В омут я попала не сама, туда меня шутки ради столкнул сын мельника: здоровенный, откормленный на пирогах своей матушки, боров. И даже не глянул, выплыву я или нет.

Тот случай заставил меня всерьез задуматься о том, что нужно научиться себя защищать.

В отличие от деревенских, которых природа наградила широкой костью, массивными, словно вырубленными из камня телами и круглыми лицами, я уродилась мелкой, худой, со светлой кожей и правильными чертами лица.

«Вылитая барыня, царство ей небесной», — ворчала бабка, разглядывая меня. Мама только вздыхала.

«Княгиня», кормящая кур или гонящая корову на пастбище. Жалкое зрелище. И деревенские мстили мне за непохожесть, за то, что привечала меня Ольга Дмитриевна — двоюродная тетка моего отца, живущая в усадьбе Демидовых. После ее смерти, именно этот дом — полуразвалившийся — был выделен мне в приданое.

Мне завидовали даже в том, что барыня учила меня грамоте и давала читать книги в то время, как деревенская детвора не умела читать. Дьяк в деревне спился и помер, нового не прислали — и приходская школа уже лет пять стояла закрытой.

— Это столь сложно — оценить свою свободу? — вопрос Юсупова выдернул меня из воспоминаний.

— У вас странное выражение лица, словно вы намереваетесь попросить полцарства, — пошутил он с кривой полуулыбкой.

— Желаю напомнить — я не принц. Да и будь им, полцарства вам ни за что бы не отдал.

Он шагнул ко мне, заставив шарахнуться в сторону. Не обратив на меня никакого внимания, Феликс наклонился, подхватил фрау подмышки и подтащил к креслу, усаживая в него. Вильгельмина протестующе всхрипнула и снова погрузилась в сладкий сон.

— Пусть ваш цербер думает, что уснула по своей воле.

Я кивнула, хотя моего мнения никто и не спрашивал.

— Слышал, ваш батюшка выставил дом на продажу.

Слухи в Петербурге распространялись быстрее, чем раскупались газеты.

— Вряд ли вы можете рассчитывать на хорошее приданное, за которое получится купить титул, столь возжеланный вами

Юсупов сменил маску. На этот раз передо мной был полный участия «друг», щедро делящийся советом и даже готовый дать денег, лишь бы от него отстали.

— Но с моими деньгами у вас получится избавиться от власти отца и выйти замуж за дворянина. Это ведь была идея Павла Александровича выдать вас замуж за одного из нас, да? — глянул он на меня с надеждой. В глазах читалось: «Подыграй мне. Возьми деньги. Тебе не проглотить кусок пирога, на который ты замахнулась».

Я не стала лгать Феликсу.

— Моя, — ответила и глянула выжидающе. Что станет он делать с моим признанием?

Дружелюбие сползло с его лица, сменившись ледяной яростью, в прозрачных глазах зажегся холодный блеск.

Я поежилась. Не уверена, что успею закричать, если он нападет.

— Ясно, дорогуша.

Он все же сдержался, хотя я видела, каких трудов ему это стоило.

— Только не говорите, что влюблены в одного из нас, — лицо Феликса исказила гримаса презрения.

— Никто из нас никогда, слышите, никогда не взглянет на вас по своей воле. Выберете меня, — на его губах зазмеилась ядовитая улыбка, — я превращу вашу жизнь в кошмар. Запомните мои слова и подумайте еще раз. У всего есть цена, дорогуша. Даже у вашего глупого, полного тщеславия чувства.

Он обошел меня, шагнул к двери и все же не сдержался, протянул руку к стоявшему у окна фикусу, шелкнул пальцами – и зеленые листья враз почернели, поникнув, словно на цветок накинули траурный наряд.

Хлопнула дверь.

Я вздрогнула. Перед глазами стояли мертвые листья, намекая, что следующей могла быть я.

Проклятийники – самый пугающий дар из всех. Церковь давно пыталась его изжить, но Юсуповым как-то удалось отстоять его перед митрополитом. Подозреваю, пожертвования в тот год были особенно щедры.

— Фрау Вильгельмина, — потрясла я женщину за плечо. – Просыпайтесь.

— А? – фрау осоловело захлопала на меня глазами, попыталась всхрапнуть, но испуганно осеклась и закрыла ладонью рот.

— Я уснуть?

Кивнула.

— Кошмар! Не быть может!

— Наверное, вы плохо спали ночью, вот вас и сморило.

Ведьма подарила мне полный подозрения взгляд.

— Я принимать капли, — гордо выпрямилась она. – Всегда помогать. Не спать днем. Никогда.

— Может, вы заболели?

Взгляд из подозрительного сделался обеспокоенным. Здоровье – второе, о чем переживала Ведьма после моих манер и плохого немецкого. Настолько плохого, что говорить со мной она предпочитала по-русски.

Гувернантка прислушалась к себе, нервно потрогала лоб.

— А этот... рыжий? – вспомнила она о госте.

— Уже ушел. Новый приказчик моей портнихи. Пришел передать, что заказ готов и можно приезжать на примерку.

— Он мог бы... — нахмурилась Вильгельмина.

Да, он мог бы оставить записку или передать на словах горничной.

— Новый человек, — со вздохом пояснила я. – Не обучен толком.

— Натюрлих, — согласилась со мной фрау. – Плохой прислуга.

Следующий раз обязательно передам Феликсу, что слуга из него вышел отвратительный. Еще и врать за него пришлось.

— После обеда съезжу навестить Анастасию Белову, — сообщила я Вильгельмине. – Возьму с собой Аксинью, а вы отдыхайте. Не дай Бог, разболеетесь перед дорогой.

Если фрау и была против, мой довод ее переубедил.

С Анастасией мы вместе учились в пансионе и были подругами, насколько можно было сдружиться столь разным людям. Я не любила шумных развлечений, предпочитая проводить время за чтением книг, зато прекрасно умела сочинять истории. Настя же была веселой хохотушкой, без умолку болтающей о всяких пустяках. Даже в самой ужасной ситуации она находила что-то приятное. Когда мы грызли капусту, она призывала считать это самой полезной едой на свете, а я представляла, что мы превратились в коз, придумывала нам клички, наделяла характерами, и она хохотала до слез. Когда нас наказывали за провинность, она говорила, что лучше розги, чем холодный подвал без ужина. И тогда мы представляли себя Жаннами Д'Арк, которых схватили имперские солдаты и пытали, чтобы узнать расположение лагеря повстанцев.

Настя, как и я, была дочерью дворянина, и ее отец, небогатый помещик из Псковской губернии, отдал ее в пансион для незаконнорожденных. Так мы и оказались в одной комнате, где нас учили смирению и манерам.

Нас сближали сложности в общении с родственниками, видевшими в нас досадный результат мужской гульбы, и суровость пансионных нравов, заставлявшая нас искать тепло в дружбе друг с другом.

В прошлом году Настя выпустилась из пансиона и устроилась в Петербург, в дом к пожилой вдове на Моховой. Княгиня Щербатова была глуховата и капризна, но платила хорошо и не докучала придирками. Каждое утро Настя сопровождала ее в карете до Казанского собора, а по вечерам читала ей вслух французские романы. Она была рада вырваться из пансиона, хотя и писала мне в письмах: "Целыми днями я вижу только княгиню и ее мопса. От этого с ума сойти можно".

Я давно обещалась к ней с визитом, вдобавок у меня был серьезный повод навестить подругу.

Слуга – старый, как и вся обстановка комнат – проводил меня в гостиную. Княгиня снимала третий этаж доходного дома, и окна гостиной выходили на неширокую улицу, утыкаясь в стоящий напротив дом.

Мебель в гостиной была старомодной: диван с вытертым бархатом, кресла с высокими спинками, круглый стол на резных ножках. В углу — этажерка с книгами в кожаных переплетках. На каминной полке — фарфоровая статуэтка пастушки, за стеклом шкафа виднелись чайные пары с облупившейся позолотой.

Пахло здесь сухими травами и старым деревом. Шторы были слегка задернуты, и в комнате царил полумрак, рассеиваемый тусклым светом настольной лампы под зеленым абажуром.

На стене — несколько акварелей в простых рамках: виды усадеб и портрет молодой женщины в кружевном чепце. Взгляд с портрета был устремлен куда-то в сторону, словно она ждала, когда можно будет выйти из комнаты.

— Маша, — Настя порывисто вбежала в гостиную. Коротко прижалась ко мне, обдав запахом жевательного табака и кофе. На пышном рукаве ее блузки я заметила собачью шерсть. Ну что же... Работа есть работа. По крайней мере княгиня Щербатова не станет требовать от Насти родить ей наследника.

— Рада тебя видеть, — отстранилась она. Ее лицо сделалось бледным – почти прозрачным, под глазами залегли темные круги, взгляд потух, около губ появилась скорбная морщинка.

Ах да, старики с возрастом часто страдают бессонницей, и если Настю заставляют до утра читать романы – никакого здоровья на это не хватит.

Сердце кольнула жалость. Я бы хотела вернуть в эти глаза радость, на щеки румянец, но мое положение было столь непрочным – я словно по тонкому льду шла, где любой неверный шаг мог привести к гибели. Мне бы кто помог...

— Прости, не могу даже чаю предложить, ее сиятельство последнее время не переносит гостей.

Особенно тех, кто запятнан крупным скандалом, — понимающе улыбнулась я.

— Ничего страшного, я только что из-за стола, — соврала я. — Да и дел много. Зашла к тебе попрощаться перед отъездом. Мы отбываем в Вишневец. Когда вернусь – не знаю.

Точнее знаю... Меня вернут в Петербург перед свадьбой. Уверена, даже помолвка пройдет без меня и будет чистой формальностью.

На лице Насти промелькнуло облегчение. Бедняга. Вынуждена стыдиться такой подруги, как я. Стыд кольнул меня и тут же отступил.

На кону три жизни и судьбы трех родов, — напомнила я себе. Не время для сантиментов. Жанны Д'Арк не сдаются.

— А я смогла выполнить твою просьбу, Маша. Держи, — она достала из рукава сложенный в трубочку лист. В темных глазах промелькнула тень улыбки.

Не представляю, на что пришлось пойти Насте, чтобы уговорить взбалмошную старуху подписать подложную рекомендацию. Еще не знаю, как отплачу ей за это — деньги и драгоценности она не возьмет, но когда-нибудь я обязательно верну ей этот долг.

— Надеюсь, эта несчастная Акси́нья найдет работу. Я буду молиться за ее благополучие. Сиротам тяжело приходится на свете.

Моя милая, добрая Настенька. Буквально спасшая меня сейчас и не только меня. Если бы не ее доброта — мой план повис бы на волоске.

— С твоей помощью, уверена, у нее все будет хорошо, — горячо заверила я Настю.

Та выжидательно посмотрела на дверь. Я поняла без слов.

— Береги себя, — с теплотой обняла ее.

— Ты тоже, — глянула она на меня, и в ее глазах я прочитала боль и непонимание... Уверена, она считала, что брак — затея моего отца. И мне почему-то не хотелось рассказать ей правду...

Акси́нья ждала в передней. Помогла с шляпкой, придержала накидку — погода была промозгло-ветренной, как и положено в апреле.

— Акси́нья, ты ведь из деревни? — спросила я, когда мы спускались по лестнице. Рекомендательное письмо от княгини Щербаковой заняло свое место в ридикюле и приятно грело душу.

— Ой, барышня, Голендухино — оно ж самое лучшее место на земле! — Акси́нья ожилилась, даже платок на голове заходил ходуном. — Вы не глядите, шо название смешное. Там речка-то какая! Студеная, чистая — аж до доньшка видать. А летом, когда солнце припекать начинает, мы, бывало, с девками на весь день уйдем. Сидим на бережку, ногами в воде болтаем, песни поем. Парни с нашего конца бегают нас пужать, а мы хохочем...

Она вдруг смутилась, поправила платок и добавила уже тише:

— А прозвище у нас от бабок пошло, царство им небесное. Говорили, раньше девки на выданье таки юбки коротки носили, што не прикройся. Или, может, про то, как на покос ходили — там уж не до нарядов. А какой у нас воздух, не то что в вашем Петербурге — воняет чем-то кислым, еще и демоны эти на колесах. Как проедет — навоняет, хоть помирай. А у нас леса, грибы, ягоды... Эх!

Акси́нья мечтательно закатила глаза и вздохнула с такой тоской, что я на мгновение почти поверила: Голендухино и правда лучшее место на земле.

Глава 4

Я вслушивалась в говор служанки, старательно запоминая ее слова, манеру речи и детали биографии — девица с легкостью делилась ими, обрадованная возможностью поговорить — болтать Акси́нья любила.

Мною двигало не простое любопытство. Дело в том, что ровно через неделю — когда обоз тронется в Вишневец — мне предстояло стать Акси́ньей. И это была самая сложная часть моего плана.

Причина столь странного для барышни желания пойти служить была проста: Элима убили не дома. Случись это здесь, в особняке Демидовых, я бы, наверное, уже докопалась до правды. Но убийство произошло в особняке Юсуповых и меня там, естественно, не было — кто берет с собой на торжественный прием воспитанницу? Моим происхождением лишь хозяев оскорблять.

Ни в прошлом, ни тем более сейчас, меня туда не пустили бы. А для того, чтобы найти настоящего убийцу, мне нужно было не просто проникнуть в особняк на Мойке, а попасть в кабинет князя Юсупова. Тот самый, который сейчас опечатан приставами и на который скорее всего наложена магическая защита.

Единственный способ, который я нашла — устроиться туда прислугой. С большой вероятностью Юсуповы сейчас испытывают нехватку слуг — часть точно сбежала, когда главу рода признали убийцей. Остались самые преданные. И моя кандидатура будет, безусловно, рассмотрена, а рекомендательное письмо крайне требовательной к служанкам княгини Щербаковой увеличит мои шансы на успех.

Элима убили во время празднования именин Феликса Феликсовича. Тело нашли в саду слуги ближе к полуночи. Князя Юсупов, Голицын и граф Орлов-Давыдов тогда были в кабинете, который располагался на первом этаже, окнами выходя в сад. Мой отец был с ними весь вечер — пили коньяк, вино, играли в карты, но отлучился, чтобы сменить сюртук, на который Орлов-Давыдов, разошедшийся от рассказа об охоте, пролил вино.

Камердинер отца подтвердил, что тот действительно послал за ним из людской и велел подать чистый сюртук, за которым отправили водителя. И пока водитель не вернулся, отец оставался со слугой.

Я не знала, кто на самом деле убил Элима и почему. Знала одно — отец никогда не избавился бы от своего единственного наследника, пусть последние годы их отношения и были натянутыми.

Впрочем, у кого в пятнадцать лет бывают хорошими отношениями со строгим и требовательным отцом? Вдобавок Элим был довольно избалован и не слишком усерден в учебе.

Была и еще одна причина разочарования отца. Дар Элима хоть и проявился, но родовых способностей в нем не было. Элим не умел работать с камнем, не чувствовал золота и драгоценных камней, что только добавляло раздражение отца.

Однако все это не объясняло циничного использования смерти единственного сына.

Зачем отцу понадобилось отправлять бывших друзей в тюрьму? Он считал их косвенно причастными? Или это политика, и они действительно замыслили что-то против императора?

Нет, невозможно. Да и отец не столь близок к императору, чтобы проворачивать подобные дела. Он целое состояние потратил, дабы добиться аудиенции...

Пару вечеров я пыталась подслушать бормотания выпившего отца у дверей его кабинета, но весь мой улов были его пьяные причитания: «Это я виноват, я. Во всем. Не досмотрел, не уберег. Простишь ли ты когда-нибудь меня, Элимушка?». От глухих рыданий я на цыпочках уходила.

После смерти жены и дочери отец больше не женился, чему я, честно признать, была рада. Натерпелась от княгини, царство ей небесное. Большую часть времени Ольга Васильевна, в девичестве Шереметьева, не замечала меня. А если я случайно попадалась ей на глаза, на меня смотрели как на жабу, посмевающую запрыгнуть на обеденный стол. И конечно же моя сводная сестра — ее дочь, была лучше меня во всем.

Унесший их несчастный случай — лошадь понесла, и пролетка опрокинулась — сильно повлиял на отца. Он стал частенько выпивать, больше придирается к Элиму, но лучше относиться ко мне. А еще мы продали всех лошадей и купили входившие тогда в моду автомобили.

Не знаю, почему он не женился во второй раз. Может, не желал видеть никого рядом с собой. Или боялся того проклятия, о котором шептались слуги, мол, прокляла барина ведьма и мальчик, что от него родится, умрет сам и убьет мать. Но Элим дожил до пятнадцати, да и жена Павла Александровича умерла лишь три года назад. Впрочем, слуги о чем только не шептались — верить им, так у нас конец света вот-вот наступит.

На следующий день я отправилась к модистке – ложь требовала расплаты. Та если и удивилась моему визиту, вида не подала. Даже обрадовалась. Вот кому было плевать на мою репутацию, наоборот, скандал вокруг меня заставлял ее захлебываться от восторга.

— Мария Павловна, *ma chérie**, а правда ли, что император лично одобрил ваш брак? Еще и с тремя женихами сразу.

Закалывающие на мне платье швеи захихикали, и я всерьез испугалась, как бы они не проглотили булавки, которые держали во рту.

Да, мой брак с тремя женихами стал самой обсуждаемой новостью этого сезона. Во всех салонах, уверена, его уже сладострастно обсудили. На этом фоне подзабылась даже новость о том, что за свадьбой последует казнь трех осужденных за убийство глав родов.

— Чушь, — фыркнула я, — как вы себе это представляете?

Судя по закатываемым глазам, подрагивающим пальцам и постоянно меняющемуся выражению лица, мой брак с тремя мужчинами Мадлен Пети представляла себе неприлично ярко.

Ее отец – месье Пети — переехал из Франции, когда Мадлен было пять лет. Модистка была маленькой, суетливой, со странной манерой говорить, чуть прикрывая глаза, словно она разглядывала невидимый шов. Говорили, что ее бабушка когда-то шила платья для самой императрицы Жозефины, но Мадлен только отмахивалась: "*C'est la vie**, барышня. Было — и прошло".

— И кого вы выберете, *ma belle**?

На мне скрестились взгляды всех в салоне. Даже Ведьма оторвалась от чашечки кофе, который смаковала с изяществом королевы.

Я почувствовала себя хранителем особо важного государственного секрета, от которого зависело... А вот ни черта от него не зависело...

— Как решит батюшка, так и будет, — выбрала я единственный из возможных вариантов ответа, и по лицу Мадлен скользнуло разочарование. Уверена, она уже придумала себе романтическую историю, в которой я, бедная девочка, страдающая от власти жестокого отца, ищет спасение в семье возлюбленного жениха.

— Конечно, *mon ange**, — торопливо согласилась Мадлен, неприязненно косясь на Вильгельмину и считая ее причиной моей скрытности. Фрау же сидела с одобрительной улыбкой на лице – словно я экзамен сдала на отлично. Она даже забыла свое утреннее ворчание на мой ужасный немецкий и короткую память, не способную удержать балладу «Перчатку» в голове.

Увы, немецкий мне не давался. Не любила я этот язык. В моем сердце жил лишь французский, с его легкостью, очаровательным выговором и красотой оборотов.

Закончив с примеркой, мы с фрау отбыли домой, оставив позади возбужденно шептаться весь салон.

Машина остановилась у парадного входа в особняк, Прохор открыл дверь, помогая мне выйти, и навстречу, перекрывая путь домой, бросился молодой мужчина, снимая на ходу шляпу.

— Госпожа Демидова!

Я сразу узнала Николая Юсупова — мы встречались несколько раз у нас дома. Говорили, он чудом выжил на дуэли два года назад, и его сердце навсегда осталось у женщины, которую он не смог назвать своей. Слышала, он до сих пор пишет стихи, в которых нет имен, лишь бесконечная тоска. Глядя на его бледное лицо с тонкими, почти болезненными чертами, верилось и в разбитое сердце, и в несчастную любовь. Он казался человеком, который однажды уже потерял все, и его больше нельзя ничем испугать.

— Прошу меня извинить, — я попыталась избежать неловкой встречи, но Николай сложил руки в умоляющем жесте:

— Пять минут. Вы должны меня выслушать.

За моей спиной многозначительно кашлянула Ведьма. Рядом стоял Прохор. И я успокоилась. Что он мне сделает днем, на людной улице?

Даже интересно, о чем таком столь настойчиво желает поговорить со мной Юсупов старший.

— Хорошо, сударь, у вас пять минут, — согласилась я и пошла по улице.

Вильгельмина пристроилась за нами – след в след. Позже, конечно, я выслушаю от нее о своем аморальном поведении. И это при том, что формально, распоряжение батюшки я не нарушила – Николай не был моим женихом.

Представления Ведьмы застряли где-то в средневековье, когда женщина была предметом мебели, которому не позволялось без разрешения мужа покидать дом.

«Сухарь снаружи и сухарь внутри», — любил говаривать камердинер моего отца, добавляя с явным неодобрением: «Старая дева, что с нее возьмешь?»

«У меня от ее вида молоко киснет», — жаловалась кухарка.

«А меня она отчитала только за то, что коса растрепалась», — делилась своей обидой Аксинья. Словом для нашей прислуги немчура гувернантская была той самой костью, которая поперек любого горла встанет.

А что делать? Терпели, конечно. И я терпела вместе с ними...

Пять минут – не много, и Юсупов перешел сразу к делу.

— Моя невеста вчера расторгла помолвку, — мрачно уведомил он меня.

Я знала, что уже год он был помолвлен с племянницей Николая Второго Ириной Романовой. На этом политическом браке настояла его семья. Газеты тогда не знали, как выразить свой восторг и скрыть зависть от возвышения Юсуповых браком с Романовыми.

Помолвка, естественно, исключала Николая из списка моих женихов.

И все же император счел неподобающим выдать свою племянницу за сына убийцы и возможного заговорщика.

— Сочувствую, Николай Феликсович, — сухо ответила я. Думаю, не так и сильно он расстроился отмене брака с нелюбимой женщиной. А вот его родня окончательно похоронила идею породниться с императорской семьей.

Юсупов кивнул, выдохнул, собираясь с силами:

— Возможно, мое предложение покажется вам оскорбительным... Но мой брат. Тонкочувствующая натура. Он сильно переживает несправедливое обвинение отца. Да, я уверен в его невиновности.

Вот сейчас мне открыться бы. Сказать: «Я знаю, что ваш отец не убийца и готова вам помочь», но вместо лица Николая перед мысленным взором возникло лицо Феликса с его змеящейся на губах улыбкой: «Желаете войти в доверие, Мария Павловна? Заслужить расположение одного из нас? И вашим, и нашим, да, дорогуша?».

Да и что мое слово против слова отца?!

И я тряхнула головой, прогоняя ненужное желание.

— Поэтому... — запнулся Николай, от волнения принявшись терзать котелок в руках, — я хочу предложить вам свою кандидатуру вместо него. Вам же все равно за кого выходить замуж? – взглянул он на меня с вызовом. — Отец поровну разделит между нами состояние. Мне хватит денег, чтобы оплатить долги вашего отца.

Как я не споткнулась и не упала, услышав это вопиюще неприличное предложение, понятие не имею. Остановилась на перекрестке, пропуская едущую по улице пролетку. Возница окинул нас одобрительным взглядом. Да, мы неплохо смотрелись вместе с Юсуповым старшим, но в данный момент мне хотелось развернуться и залепить ему пощечину.

Нельзя быть столь благородным, когда другие пытаются тебя сожрать.

— Благодарю за щедрое предложение, — с сарказмом произнесла я, приседая в неглубоком реверансе. Глянула с насмешкой, пряча за ней жалость. — Однако список моих женихов уже утвержден его императорским величеством. Я не могу пойти против его высочайшей воли.

Краска бросилась в лицо Николая, взгляд сделался больным.

— Я не предлагаю вам выбирать. Оставьте мальчиков в покое. Возьмите меня, — шагнул он ближе, и был остановлен зонтиком Вильгельмины, который она ловко просунула между нами.

Между слов читалось: «Берите меня, моя жизнь все равно кончена. Любимая женщина в браке, а никто другой мне не нужен».

— Исключено, — холодно проронила я.

Вся партия уже расписана. Карта Николая лишь внесет хаос в игру.

Он все понял. Взгляд заledenел. От него внезапно пахнуло могильным холодом, и котелок в руках осыпался пеплом. Я испуганно отступила, а Вильгельмина распахнула рот, готовясь позвать на помощь, но Юсупов уже взял себя в руки.

— Тогда желаю вас предупредить, что мой брат совершенно вас не выносит. Если вы рискнете переступить порог нашего особняка, он превратит вашу жизнь в ад. Обещаю.

Прекрасно. Тогда его сиятельству не стоит знать о том, что именно это я и собираюсь сделать меньше, чем через неделю, правда, в образе Аксиньи. Надеюсь, ей ад никто не будет устраивать.

— Всего доброго, госпожа Демидова, — он попытался надеть несуществующий уже котелок, растерянно посмотрел на пустую руку, поднесенную к голове. Беззвучно выругался и широким шагом двинулся по улице прочь от нас.

— Unerhört!* — высказалась с негодованием Вильгельмина. — Наглец! Ваш царь совсем их распустил.

Скорее наоборот, — подумалось мне. Николай Второй пытался всех собрать и примирить. Один только созыв Государственной думы чего стоил. Свести под одной крышей левых и правых, аристократию, мещан, крестьян, рабочих и автономистов — сама по себе безумная идея. В итоге кроме ругани ничего не вышло. Нынешняя, третья, работала уже года два под надзором Столыпина. И даже успешно. В газетах регулярно появлялись отметки о принятых ими законах.

— Если батюшка узнает об этом инциденте — сильно расстроится, а ему и так сейчас нелегко, — проговорила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Фрау недовольно поджала губы. Она находила особое удовольствие в доносах на меня и считала это частью работы, но здоровье Павла Александровича заботило ее не меньше, чем свое. Надеюсь, сдержится и промолчит.

Следующие дни прошли в сборах. Не так это и просто вывезти часть двора на лето в поместье. Слуги метались по лавкам, забирая готовую обувь, платье, белье, отрезки тканей. Как обычно — дел перед отъездом образовалось с избытком.

Я сидела в будуаре, слушая, как в спальне переругиваются Аксинья с Ведьмой. Последняя не могла не вмешаться, и сейчас они выясняли, сколько платьев следует мне взять с собой. И нужно ли выходное, которое мне пошили перед смертью Элима. Или достаточно будет черных траурных платьев и одной, тоже черной юбки с длинным шлейфом.

— Ну и зачем ей это роскошество? — горячилась Аксинья. — Перед свиньями красоваться? Возьмем белых воротничков и манжетов. Пришьем — вот и будет красота. Можем еще серое взять — в полоску и белое — на жару.

— Найн, — не соглашалась Вильгельмина. — А если женихи или их родня с визитом?

— Эти-то? — насмешливо фыркнула Аксинья, однако затем до меня донеслось ее задумчивое: — А ведь правы вы, фрау. На словах они убить нашу барышню готовы, а сами-то... Словно пчелы на мед вьются. Как у вас говорят: «От ненависти до любви один лишь шаг»,

— с гордостью процитировала Акси́нья, услышанную откуда-то фразу. Явно из французского романа. Сама Акси́нья читала с трудом, но среди горничных были те, кто устраивал чтения вслух по вечерам в людской. Я же сама им книги и давала.

— А у вас говорят: «Насильно мил не будешь», — блеснула Ведьма знанием русских пословиц.

— Так-то так, но платье на всякий случай возьмем, — согласилась Акси́нья, пробормотав что-то о свиньях, которые не видят девичью красоту, так пусть ослепнут от красоты наряда.

И они перешли к спору о следующей части гардероба: шляпкам.

А я сосредоточилась на своем занятии. Для исполнения плана мне нужен был паспорт, выписанный на Акси́нью. Позаимствовать его удалось лишь вчера, когда экономка готовила документы для отъезжающих в Вышневец, вытащив их из сейфа и сложив в шкаф.

Не представляю, как совершали побег в прошлом женщины высокого положения, еще и без доверенной горничной под рукой. Веревку взять – уже проблема. Каждый любопытствующий поинтересуется: «А зачем барышне она, собственно, понадобилась?».

А мне нужна была масса вещей: простое белье, крестьянское платье: рубаха и сарафан, платок, обувь. Еще желательно тонкий тулупчик, так как апрель был холодным.

Но сначала документ. Бланк на гербовой бумаге я взяла у отца. У нас сохранилось несколько штук для собственных крестьян. Он был устаревшего образца, однако все еще действовал на территории Российской империи.

Хорошо, что паспорт не был заверен магически – для мещан и крестьян власть ограничилась бумажным бланком. Вот у меня в паспорт была защита капелька крови, запечатан оттиск с ауры, и даже фотография имелась, ибо, одаренная. Для нас и учет строже, и ответственность выше.

С внесением данных в паспорт все было просто. Я задумчиво постучала кончиком пера по губам и написала: девица среднего роста, волос рыжий, вьется. У настоящей Акси́ньи он был темно-русый, у меня светлым, красивого пшеничного оттенка. Бабка, когда была в настроении, говорила, что моя мать этими волосами барина и приворожила, зато цвет глаз у меня, как у покойной барыни – ярко-голубой. А вот у Огневушки – чисто костер на голове. И когда я получу ее личину, стану рыжей Акси́ней.

С печатью возникли сложности. Конечно, я использовала малахит и сделать из него печать без ручной резки оказалось труднее, чем писалось о подчинении камня в учебниках по магии.

В нашей библиотеке были собраны дневники прошлых поколений Демидовых, которые щедро делились с потомками секретами овладения даром. Отец надеялся, что Элиму эти труды пригодятся, но единственным тайным читателем по ночам у них была я.

Кроме записей Демидовых моей добычей были и учебники по общей магии, принадлежавшие Элиму. Думаю, я могла бы смело поступать в магический университет сразу на второй курс, но, увы, корона и слышать не хотела о том, чтобы допустить женщин к овладению магией. Учительствовать – пожалуйста. Машинистками – допустимо. Больницы – только приди. Даже газеты уже брали женщин в штат и печатали их заметки. Но магия оставалась той вершиной, за которой властным мужам чуялся хаос и развал страны.

Хотя на мой взгляд им стоило посмотреть на самих себя – войны не женщины развязывают.

Я с сомнением посмотрела на очередной оттиск печати на бумаге – который по счету. Волостное правление потеряло половину букв, а губерния превратилась в габрение.

Узнай Ведьма, чем я сейчас занимаюсь – пришла бы в ужас. Порой мне казалось, что решение тогдашнего государя даровать титулы всем магам было очень даже дальновидным. Страшно представить, куда могли бы приложить свои способности одаренные... И куда пошла бы я с таким криминальным талантом.

— Mein Gott! – донеслось из спальни. – Мы не можем оставить корсет!

Сборы продолжались.

Вишневец отец купил в 1905 году, после того как поместье побывало во многих руках. Купил по дешевке – здание отчаянно нуждалось в ремонте — и сразу же затеял там масштабные работы.

В то время его избрали волынским губернским представителем, и дела губернии требовали регулярного присутствия. В Петербурге он бывал наездами, здесь оставались Элим, учившийся в гимназии и я, которую два года назад забрали из пансиона.

Летом мы все выезжали в поместье. Вишневец не походил на дворец или загородный особняк. Двухэтажное здание с трехэтажными ризалитами выглядело монументально, почти сурово. Местные называли его «замком», словно он когда-то действительно был средневековым замком.

Дом стоял на высоком берегу, и протекающая внизу Горынь отражала его темные, мрачные очертания. Внутри царил холодный полумрак, который, казалось, вьелся в стены. Отец с гордостью говорил о том, что нанял для реконструкции самого Владислава Городецкого — известного киевского архитектора. В его планах было воссоздать былую роскошь: Зеркальный зал, Белый зал Корибутов... Но пока я видела лишь пустоту, запустение и следы недавней, поспешной работы.

Комнаты были огромными и пустыми. Кое-где стояла старинная мебель: тяжелые дубовые шкафы, массивные столы. Отец пытался вернуть в имение старые вещи, разыскивая их по аукционам. Пока что это были лишь отдельные, бессильные островки прошлого в море пустоты.

Больше дома мне нравился парк, в глубине которого угадывались правильные линии заросших ныне аллей. Там было приятно гулять, прячась от летней жары. Устраивать пикники на лугу. Даже Ведьма оттаивала на деревенском воздухе, теряя свою привычную строгость и позволяя мне допоздна засиживаться с книгой на веранде. Или кататься на велосипеде Элима.

Интересно, каким будет это лето для Огневушки, которая заменит меня в поместье?

ma chérie* — моя дорогая с фр.

C'est la vie* — такова жизнь с фр.

ma belle* — моя красавица с фр.

mon ange* — мой ангел

Unerhört!* — неслыханно с нем.

Глава 5

В будуар постучали, и я поспешно спрятала следы своей преступной деятельности в стол.

— Барышня, вас просят, — донеслось из-за двери.

— Войди, — разрешила я, торопливо стирая с пальца следы чернил.

В комнату заглянула служанка. Судя по испуганному лицу и бегающим глазам, у нас очередной визитер. И кто на этот раз?

Орлов-Давыдов, как и обещался, прислал судебные бумаги. Батюшка вчера швырнул их мне под ноги, крича, что это подлость обвинять его в несоблюдении закона, когда отец этого щенка — убийца и сидит в тюрьме.

Порой мне казалось — батюшка настолько верит в придуманный им бред, что уже и не помнит о том, какой была правда на самом деле. В его безумном мире лишь Демидов имел право казнить или миловать. Лишь он один знал, что лучше для остальных. И меня до дрожи пугал сумасшедший блеск в его глазах.

Я подняла бумаги, успев прочитать: «Исковое прошение. О восстановлении нарушенного права на получение законного наследства в связи с применением статьи Закона о родовой

мести (Вендетте), внесенного императрицей Елизаветой Петровной», как отец выскочил из-за стола, выхватил бумаги и велел убираться прочь.

Так что вряд ли это Орлов-Давыдов, выбравший путь судебных исков.

Юсуповы тоже получили свои ответы.

Остается Голицын. Почему-то мне казалось, что Петр Дмитриевич слишком горд, чтобы унизиться до подкупа или шантажа.

— И кто меня просит? — спросила, поднимаясь из-за стола.

— Барыня, — прошелестела служанка, смотря себе под ноги. Новенькая. Боится даже собственной тени.

Я выжидательно вскинула бровь. Имя я клещами вытягивать должна?

— Княгиня Голицына Ольга Семеновна, — пролепетала служанка, бледнея. Любой пришедший к нам маг пугал прислугу до заикания. К своим-то попривыкли уже, а чужаков опасались.

Голицына? Ругательства застряли у меня в горле, заставив закашляться.

— Проводи в малую гостиную, — просипела я, взмахом руки отправляя служанку прочь.

Вот только маменьки жениха мне не хватало для сегодняшнего и без того непростого дня, — с раздражением подумала я.

Подошла к стене, заставив выехать из мраморной полуколонны кусочек камня. Открылась небольшая ниша — моя гордость и первый успешный опыт подчинения. Для моего отца не составило бы труда найти этот тайник, но не для Ведьмы.

С сожалением убрала в нишу недоделанную печать, бланк паспорта, сам паспорт и листы бумаги. Глянула на себя в зеркале: черный цвет мне не шел, на его фоне светлые волосы казались серыми, а черты лица терялись, становясь плоскими. Однако траур есть траур, тем более что Элима мне было искренне жаль. Он хоть был и вредным, но не злым ребенком. После смерти матери одиночество толкнуло его в мое общество, и мы даже сдружились, как могут сойтись наследник и внебрачная дочь его отца.

Ольга Семеновна ждала меня, сидя на краешке обитого шелком дивана. Одета она была в строгое серое платье с черной отделкой — намек на будущий траур по мужу, которого должны были казнить. За ее спиной ангелом смерти застыла еще одна дама. Вряд ли служанка. Судя по наряду — черной блузке и темно-фиолетовой юбке — скорее родственница или компаньонка.

При моем появлении Ольга Семеновна не встала, а ее сопровождающая одарила меня таким взглядом, словно я младенцами на ужин питалась.

Зря она так. Мне далеко до Салтычихи, которая верила, что кровь невинных усиливает дар и, главное, продлевает молодость и красоту.

— Ольга Семеновна, чем обязана? — я не стала садиться, встала напротив гостьи. Лицо той пошло красными пятнами, она шумно задышала, а в серых глазах прочиталось яркое желание поджарить меня до румяной корочки. И у нее даже получилось бы. Род Харитоновых, из которого происходила Ольга Семеновна, не был особо богат, зато их корни уходили в древность, а мужчины не раз проявляли доблесть на поле брани, будучи отличными боевыми магами.

Не все в империи были согласны с заведенным порядком, в тайне обучая своих дочерей основам родовой магии. Жаль, что мой отец не относился к их числу.

Давая время Голицыной прийти в себя, я отошла к окну, оставив вместо себя Вильгельмину меряться взглядами со второй гостьей. Кажется, там настоящее сражение взглядов намечалось.

Какое-то время в гостиной царила напряженная тишина, в которой были слышны лишь судорожные вздохи Ольги Семеновны. Наконец, та взяла в себя в руки.

— Мария Павловна, знаете, я даже вас не виню. Понимаю, ваш отец хочет наследника, а вы сами — титул.

Да, я в курсе пересудов, ходящих в обществе. Они, словно закваска на опаре, поднимались все выше и выше. Не удивлюсь, если императорская чета обсуждала мой брак за вечерним чаем. Слышала, императрица обожала обустраивать счастье своих подданных: титулованных и богатых, естественно.

Главное — все без исключения верили в то, что моей целью является титул, который я получу сразу после венчания и который останется со мной даже после развода. В разводе, кстати, тоже никто не сомневался. Ребенок — это еще мужа уговорить нужно, а титул мне полагался по личному велению императора.

Бытующее мнение, что для внебрачных детей титул является единственной целью в жизни, не оставляло мне и шанса на иное развитие событий, чем позорный брак и не менее позорный развод. От репутации, конечно, ничего не останется. Впрочем, от нее уже ничего не было.

— Мой сын, Петруша, — продолжила Ольга Семеновна с прерывистым вздохом. — Он не может на вас жениться, его сердце уже занято. Она дочь наших хороших друзей. Вы ее встречали у нас дома на елке. Лидочка. Чудный ребенок.

Я напрягла память. Ах, да. Лидочка. Высоченная и нескладная девица, легко краснеющая до алого румянца. Вытянутое лицо, крохотные глазки, скудные, тщательно завитые кудряшки. Хотя если Голицын полюбил ее за душу... Нет, даже так не верю. Потому что эта Лидочка на рождественской елке у Голицыных — единственном празднике, куда меня приглашали из христианского милосердия — ухитрилась с такой силой дернуть за подол моего еще по-детски короткого платья, что оторвала от него кусок, а потом еще и вырвала из моих рук конфету и зашвырнула куда-то в угол...

Заметившая мои красные от слез глаза, Ольга Семеновна тогда подарила мне в утешение чудную фарфоровую куклу, которую я не выпускала из рук до конца праздника. Та кукла до сих пор стоит у меня на полке в спальне.

— Увы, мы не успели объявить помолвку, — Ольга Семеновна поднесла к лицу кружевной платок. Глянула на меня, и в наполненных слезами глазах я прочитала пережитые боль и отчаяние за мужа, страх за сына и ненависть ко мне.

На короткое мгновение мне стало ее жаль, а еще больше — ее мужа. Не представляю, как он сейчас мучается в тишине одиночной камеры, считая отпущенные ему часы жизни. Испытывает ли страх, отчаяние, надежду или раздраженное желание закончить все быстрее?

— Но вы же не будете столь жестоки и не станете разлучать возлюбленных? — глянула она на меня с мольбой.

А мне вспомнилась наша первая встреча с Петром, его басовито-добродушное:

«Ну что ревешь? Тебе вон Феликс медальон подарил. Красивый же?»

Я кивнула, продолжая всхлипывать и размазывать сопли по щекам.

«Эх, жаль мне нечего тебе дать, — сокрушался Петр, хлопая себя по карманам, затем вопросительно повернулся к другу.

Сергей со вздохом вытащил из книги павлинье перо, которое использовал как закладку. С сомнением глянул на меня, потом с сожалением на перо.

«Да отдай ей, — сказал Петр. — Смотри, как глазки загорелись».

«Это перо райской птицы?» — с восхищением спросила я, тщательно вытерев руки перед тем, как с восторгом принять подарок. Перо завораживающе переливалось на солнечном свету, мерцающая, словно его обсыпали звездной пылью и казалось по-настоящему волшебным.

«Вот дуреха!» — покотился со смеху Феликс.

«Ой, не могу, — схватился он за живот, зафыркал: — Эта райская птица орет так, что хочется пойти, взять топор и отрубить ей голову».

Я не поверила. Невозможно быть настолько красивой и при этом орать столь противно.

«Это павлин, — снисходительно пояснил Сергей. — У отца в крымском поместье с десяток таких водится. И да, крик у них препротивный. А так... Курица и курица. Только большая и с хвостом».

Судя по перу в моих руках — хвост там был шикарный.

К сожалению, во время похорон матери перо пропало, что было воспринято мною, как еще один дурной знак свалившихся на меня бед.

Я подошла к дивану, и Ольга Семеновна поспешно встала.

— Ваш сын, — на моих губах заиграла горькая усмешка, — сможет воссоединиться с возлюбленной через год после развода. Но вы вправе обжаловать вынесенное решение у его величества.

Глаза Ольги Семеновны расширились, в них промелькнуло много всего. За годы жизни в Петербурге я научилась досконально различать оттенки этого взгляда от яркой брезгливости до ледяной пустоты, словно смотрели на мебель, а не на живого человека.

Сейчас во взгляде Ольги Семеновны полыхал целый костер.

— Ты... Вы... — выдохнула она, тяжело дыша и сжимая ладони в черных кружевных перчатках.

Мир дрогнул, поплыл, и воздух между нами зазвенел от напряжения.

Вильгельмина шагнула ближе, положила мне ладонь на локоть, готовясь в случае чего прикрыть собой. На лице второй гости я прочитала обеспокоенность. Если Голицына не сдержит рвущийся наружу дар, первый удар придется на нас троих.

— Проклятая девка! — крикнула она, и мне в лицо прилетел порыв жара. Плохо дело. Огневушка защитит от удара, но ее щит вызовет лишние вопросы. Нельзя рисковать.

— Я люблю вашего сына! — бросила я в лицо взбешенной княгини, придав словам должную степень отчаяния. Хорошо бы еще покраснеть от смущения.

Голицына моргнула. Замерла. Даже дышать перестала. Глянула на меня неверяще. А я напряженно прислушивалась к полотну мира. Возмущение постепенно стихало, и чужая сила перестала давить и кружиться вокруг меня огненными протуберанцами.

— Как же так, Машенька? — растеряно спросила Ольга Семеновна, и в ее красивых глазах снова заблестели слезы.

Я пожала плечами. Что тут сказать... Что нужно держать контроль над даром, а если не получается, то не приходить в дом врага. Если сейчас пострадали бы люди, княгиня отправилась бы в особое учреждение для нестабильных. Именно им нас пугали воспитательницы пансиона, когда кто-то ленился на медитациях. Именно о нем рассказывали страшные истории по ночам в спальнях. Говорили, что оттуда никто не возвращается...

— Твой отец... — выдохнула Ольга Семеновна, не в силах принять тот факт, что дочь врага любит ее сына. Наше возможное родство не укладывалось у нее в голове.

— Думаю, мы сказали друг другу достаточно, — придала я голосу твердости и, уже не церемонясь, указала на дверь. — Прошу покинуть наш дом.

Голицына на мгновение прикрыла глаза, крепясь. Потом коротко кивнула и, не прощаясь, вышла из гостиной. Ее сопровождающая задержалась на мгновение, чтобы бросить мне злобное:

— Будь ты проклята, чертово отродье.

Я только усмехнулась в ответ. Проклятия меня пугали лишь из уст Юсуповых. Все остальные были просто словами.

Когда с оскорбительным грохотом за гостями закрылась дверь, я пошатнулась, оперлась о спинку кресла. Ноги сделались ватными, а сердце вспомнило о том, что следовало испугаться, и птичкой заметалось в груди.

— Шайсе, — мрачно выругалась Вильгельмина. Я удивленно глянула на нее. Кажется, визит произвел на нее сильное впечатление.

И действительно глаза гувернантки сверкали от возмущения, а всегда кислое лицо пылало праведным гневом.

— Даже если ви незаконный дитя, ви не должны дать им себя оскорблять. Это возмутительно.

Я вскинула брови. Занятно. Похоже, Ведьма считала, что никто, кроме нее и моего отца, не в праве меня унижать.

— Я жаловаться!

— Пустое, фрау Вильгельмина, — поспешила я успокоить разбушевавшуюся гувернантку. — Ничего не произошло.

— Но могло. Она вас хотеть... — и фрау выразительно замолчала.

Да, Голицына явно хотела меня убить, но в последний момент сдержалась. Почти уверена, ее сын не в курсе визита маман. Петр не стал бы унижаться до лжи. Слишком честен и благороден.

— Ви не должны соглашаться на этот брак, — произнесла внезапно Вильгельмина. — Он сделать вас несчастен. Детский любофь — несерьез. Людь меняться со временем.

«Людь» действительно меняются, вырастая. Кто-то в лучшую сторону, а кто-то и в нелюдя превращается.

Что до моей детской любви... Самое лучшее, что я могла для нее сделать — это забыть.

— Даже если ви любить этот молодой человек, ви не смочь наполнить его сердце своим чувством. Поверьте мне.

И я верила. Как и в то, что именно несчастная любовь высушила сердце немки, превратив его в сухарь.

— Спасибо, фрау Вильгельмина, — искренне улыбнулась я ей. — Я постараюсь убедить отца.

Батюшка посчитал ниже своего достоинства опровергать слухи о том, что именно он потребовал от меня замужества. Его сейчас волновали иные вещи: сохранение за ним поста представителя Волынского дворянства, долги, повисшие над нашим семейством, переговоры с ростовщиками об отсрочке выплат по векселям до свадьбы и многое, многое другое.

Мысли скакнули на мучавший меня эти дни вопрос: какого жениха выбрать для батюшки? Он, конечно, рассчитывает, этот год продержат моего мужа у нас в особняке, желательно в кандалах, еще желательней — прикованным к кровати. Но боюсь, женихи используют свое влияние на императрицу, и та потребует, чтобы я вошла в семью мужа. Мол, не будем нарушать вековую традицию.

Прямого вреда мне чинить не станут — после развода я должна покинуть новую семью целой и невредимой, но и остального хватит с избытком.

Конечно, я надеялась, что замужества не случится, но жизнь приучила не вычеркивать до конца самый плохой вариант, имевший шанс испортить мне судьбу.

К Юсуповым было откровенно страшно. Проклянут не на смерть, так на частое посещение уборной. Да и мало ли чем может навредить талантливый проклятийник, пусть и с ограничителем? Причем два проклятийника. Уверена, Николай не простит мне унижения отказа, как я ему — предложение выйти за него замуж.

У Голицыных меня ждала женская часть семейства — чтобы довести до белого каления и заставить сбежать. И это не мужчины, которым ход в мою спальню запрещен. Свекровь может навещать молодую и днем, и ночью, уча уму-разуму.

Оставался Орлов-Давыдов. Его семья была богатыми землевладельцами. В Петербурге им принадлежал милый двухэтажный особняк на Английской набережной. В нем я точно стану частью обстановки — меня будут замечать ровно с такой же «внимательность», но вряд ли попытаются вредить, разве что похоронить под тоннами судебных решений.

Пара дней до моего отъезда были наполнены суетой. Паковались чемоданы, сундуки. Были наняты три подводы – отец решил перевезти часть вещей из петербургского особняка в Вышневец. Думаю, он до конца не был уверен в успешности затеянного мною замужества. Так что с нами отправлялись картины, скульптуры, ковры и пузатые стулья, обитые желтым шелком.

Я же была занята иными вещами.

— Акси́нья, ты у нас девушка видная, — подступилась я к служанке с разговором.

— Ну что вы, барышня, — засмушалась та, и на пухлых щеках проступил розовый румянец.

Зря она смущалась. Акси́нья у нас, что называется, кровь с молоком. Что спереди, что сзади – все при ней. Я видела, как заглядываются на нее приказчики в лавках. Но служанка правил была строгих и заигрываний себе не позволяла. Холостых мужчин она делила на две категории: сурьезный и поиграть. Последних – охальников – могла и веником по спине вытянуть.

— Вряд ли я смогу взять тебя в семью мужа. Со мной отправится лишь Вильгельмина. А батюшке без надобности столько прислуги.

Акси́нья шумно вздохнула, соглашаясь.

— Замуж тебе нужно. А здесь, в столице, ты всяко лучше мужа найдешь, чем у себя в деревне.

Вдох на этот раз был еще тяжелее, и на лицо Акси́нии скользнула глубокая задумчивость. Похоже, возвращаться в деревню ей не хотелось. Все же жизнь в городе, среди смрада «адских» машин была попроще. Можно было и встать попозже, и сходить погулять раз в неделю на полдня, когда барин отпускал. Да и труд был все же полегче. А в деревне какой выходной? Даже зимой вставали до рассвета, чтобы покормить скотину.

— Потому перед отъездом соберем тебе приданое, — заключила я.

— Ой, барышня, благодетельница вы наша, век за вас молиться буду, — и Акси́нья с грохотом рухнула на колени, а ее огромные глаза мигом наполнились слезами. Она громко шмыгнула носом и потянулась к переднику, но я успела сунуть ей в руки собственный носовой платок.

Далее мы с Вильгельминой были оглушены трубным гласом «пароходного гудка», за которым последовал второй, не менее громкий.

— Diese Wilden*, — неодобрительно пробормотала Ведьма. Судя по брезгливому выражению ее лица, она бы на Акси́ню и одного пфеннига не потратила бы.

Я была с ней не согласна и собиралась на приданое выделить немного серебра из собственных скромных запасов. Но главное – покупать я планировала на пару вещей больше, чем отдать служанке. Вряд ли лавочник доложит кому-то о юбках и шерстяных платьях.

От сарафана я отказалась. Во-первых, служанка из дома княгини точно не будет носить сарафан, ибо в Петербурге в нем ходили совсем уже бедняки или только что приехавшие из деревни. Даже работницы фабрик покупали себе готовые платья или юбки с блузками. Никакого шелка или кружев. Все простое, добротное и немаркое.

Единственное неудобство – служанка была выше и крупнее меня, так что одежду придется перешивать. Ничего, должно же было когда-то пригодиться мое обучение шитью в пансионе.

Акси́нья еще долго утопала в благодарностях, раза три прочувственно высмаркивалась в платок и не уставала называть меня «ангелом».

В поход за приданым она порывалась идти со мной или просила просто выделить ей денег, чтобы барышня не надорвалась случаем.

— Да и торговаться вы не умеете... — многозначительно заметила она.

Но я отговорила тем, что приданое – мой подарок и покупать его я буду сама, а с торгом прекрасно справится Вильгельмина, которая одним своим постным видом вводила лавочников в тоску, а уж как педантично она проверяла каждый шов...

К концу нашего визита в лавку цена, бывало, и в два раза уменьшалась.

К ночи перед отъездом все было готово. Поддельный паспорт, рекомендация, деньги. В потертом саквояже – вещи. Дом мне предстояло покинуть с рассветом уже в чужом обличье. О ключах к входной двери я позаботилась заранее.

Прислушалась к ровному храпу, доносящемуся из примыкающей к моей спальне комнаты Вильгельмины. Приняв капли, фрау спала сном честного человека, выполнившего свою работу и не мешающего мне заниматься не совсем законными делами.

Вчера у меня состоялся непростой разговор с отцом.

— Орлов-Давыдов? – недовольно хмыкнул он. — Всего лишь граф.

Аппетиты батюшки росли, что облака перед грозой.

— Но денег у них много, а земли еще больше. Уверен, они попытаются от тебя откупиться. Не продешеви, — погрозил он мне пальцем.

— Развод только через год. И хитростью – потом научу как – проберись в спальню к мужу.

Меня затошнило, но я кивнула, не решаясь спорить. В глазах отца еще ярче, чем прежде пылал огонь безумия, и мне хотелось одного – поскорее покинуть этот дом.

Похоже, батюшка убедил себя в том, что я послушная игрушка в его руках и твердо верил в искренность моего желания пострадать за род Демидовых: подвергнуть себя унижению, растоптать репутацию, получить проклятие от Юсуповых.

И ведь ради чего? Ради титула графа? Еще и в спальню к мужчине лезть?

— Родишь наследника – я тебя признаю. Сын твой законным наследником станет. Вышневец отреставрируем. Ребенку нужен свежий воздух, чтобы расти сильным и здоровым.

Отец все же посчитал нужным обозначить для меня цену. Понимал, что я могу и не решиться возлечь с мужчиной. Решил подсластить горечь унижения титулом княгини Сан-Донато и положением законной дочери Демидовых.

— А там, как ребенок подрастет, мужа тебе хорошего подберем. Орлова же забудь. Он тебя все равно не оценит, — сурово добавил отец, и мне на мгновение показалось, что он и правда переживает обо мне.

Как мне не хватало этой заботы после смерти матери! Хотя бы крошечки любви! Но все, что мне доставалось – его строгая равнодушие.

Матушка начала хворать, когда мне исполнилось одиннадцать. Сдавала она постепенно. Частенько по ночам ее мучил жар, и рядом с постелью она ставила кружку с холодной водой. А еще она начала быстро уставать. Бабка ругалась, что мало ей меня в нахлебниках, еще и дочь стала малохольной.

К лету, когда мне должно было исполниться двенадцать, мать слегла окончательно, и старая барыня, вняв моим слезным мольбам, пригласила к нам целителя.

Монах был стар, с длинной седой бородой и желтой, запекшейся на солнце, кожей. От него пахло лошадиным потом и чесноком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.